

Дмитриев Д. С.

БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА
КНЯГИНЯ ЕЛЕНА ГЛИНСКАЯ

ЖЕНСКИЕ ЛИКИ — СИМВОЛЫ ВЕКОВ

Дмитрий Савватиевич Дмитриев
Боярыня Морозова.
Княгиня Елена Глинская
Серия «Женские лики
– СИМВОЛЫ ВЕКОВ»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9465656

Боярыня Морозова; Княгиня Елена Глинская: Исторические повести:

Мир книги, Литература; Москва; 2011

ISBN 978-5-486-04011-5

Аннотация

Дмитрий Савватиевич Дмитриев (1848–1915) □ – писатель, драматург. Родился в Москве в купеческой семье. Воспитывая сына в строго религиозном духе, отец не позволил ему поступить в гимназию. Грамоте его обучила монашенка. С 1870-х годов Дмитриев служил в библиотеке Московского университета, тогда же он начал публиковать рассказы, сценки, очерки, преимущественно бытовые. В 1880-е он сочиняет пьесы для «народных сцен», а с конца 1890-х Дмитриев пишет в основном исторические романы и повести (их опубликовано более шестидесяти). В 1908 году после смерти единственного сына он принял священнический сан.

В этом томе представлены две повести Дмитриева. В первой из них описана судьба боярыни Федосии Прокофьевны Морозовой, выдающейся деятельницы русского старообрядчества, сподвижницы протопопа Аввакума, которая за приверженность к «старой вере» была арестована, лишена имения, сослана и заточена в монастырскую тюрьму, где и погибла от голода. Героиня другой повести – Елена Васильевна Глинская, великая княгиня Московская, мать Ивана Грозного, которая после смерти мужа, великого князя Василия III, совершила переворот, став фактически единоличной правительницей русского государства.

Содержание

Боярыня Морозова	5
Глава I	5
Глава II	11
Глава III	18
Глава IV	27
Глава V	31
Глава VI	37
Глава VII	43
Глава VIII	49
Глава IX	55
Глава X	58
Глава XI	66
Глава XII	73
Глава XIII	77
Глава XIV	82
Глава XV	87
Глава XVI	91
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Дмитрий Дмитриев Боярыня Морозова; Княгиня Елена Глинская: Исторические повести

Боярыня Морозова Историческая повесть из времен «тишайшего» царя

Глава I

– Так как же, Феня, по нраву тебе суженый? – спрашивал у дочери окольный дворянин Прокофий Федорович Соковнин.

– Твоя воля, батюшка, – печально ответила красавица, опустив голову.

– Про то я давно знаю, что воля моя... От тебя хочу знать – по нраву ли тебе Глеб Иванович Морозов?

– Как тебе угодно, батюшка.

– Мне-то, дочка, угоден боярин Морозов! Рода он хоро-

шего, близок к государю, знатен, богат... завидный женишок... Только летами он старенек.

– Он мне в отцы годится...

– Это не беда... Летами Морозов стар, а по обличью молод: бел, румян, собой статен. С таким мужем ты будешь счастлива.

– Так ли, родимый? – со слезами в голосе возразила отцу молодая девушка.

– Знамо, так! Или с отцом задумала учинить спор? – сурово проговорил Прокофий Федорович.

– Смею ли, батюшка...

– То-то. Ни один отец не пожелает зла своей дочери...

Помни и знай это!

– Батюшка, родименький, об одном прошу тебя и умоляю...

– О чем, говори!

– Подождал бы ты, батюшка, выдавать меня в чужие люди, дал бы еще мне пожить с тобой в родимом дому. Не перестарок я...

Феня заплакала.

– Ждать нечего, скоро пост, надо крутить свадьбу.

– Отложил бы, государь-батюшка, до Красной горки.

– Глеб Иванович до поста решил жениться на тебе... Спешит, потому что великий государь в Казань воеводой его посылает.

– В ту пору и я с ним должна ехать?

– Разумеется! Куда муж, туда и жена...

– Ох, господи!

Молодая девушка тяжело вздохнула.

– Чего вздыхаешь, чего печалишься? Или воеводшей быть не хочешь?.. Глупая, да твои подружки с зависти лопнут, когда будешь ты боярыней Морозовой... Говорю, Морозовы сильные и знатны в белокаменной Москве! Слышь, царскими любимцами считаются... Москва их чтит и любит. Брат твоего суженого, Борис Иванович Морозов, был царским пестуном. Без его совета великий государь не принимается ни за какое дело. С ним породниться – большая честь... – уговаривал Соковнин плакавшую дочь. – Ну, полно плакать. Или не знаешь, что слез я не люблю.

– Я... я не плачу, государь-батюшка.

– Не плачешь... только слезы из глаз рекой льются.

– Что же мне делать?

– Не супротивничать, а слушаться отца.

– Я, кажись, и то во всем, родимый, тебя слушаюсь... твои родительские приказы выполняю.

– Выполни, Феня, и теперь.

– Приказывай, батюшка.

– Выходи за Глеба Морозова.

– Слушаю.

– Вот и давно бы так, дочка... Теперь я вижу, что ты не супротивная, а послушная... это хорошо... готовься невестой быть. Дней через пять будет твое благословение.

– Так скоро?! – воскликнула молодая девушка.

– Говорю, так желает Глеб Иванович.

– Стало быть, моя свадьба...

– Недельки через три-четыре и свадьбу справим. С нынешнего дня дворовым девкам прикажу приданое тебе готовить.

Проговорив эти слова, Соковнин не спеша вышел из светлицы своей дочери.

А бедная Феня, уткнувшись в подушку на своей постели, горько заплакала.

Этими слезами она хотела выплакать свое девичье горе.

– Феня, Фенюшка, что ты, родная? С чего так убиваешься, с чего, жемчужина моя, роняешь свои девичьи слезы?.. А впрочем, и то молвить: «Девичья слеза, что божья роса, солнышко войдет – и роса высохнет», – нараспев говорила мамка боярышни Соковниной, старуха Гавриловна. – Да полно, боярышня, полно, болезная! Оботри свои слезы прочь.

– Ах, Гавриловна, что я за несчастная уродилась на белом свете!

– Да что? Молви, жемчужина, что с тобой приключилось?

– Батюшка приказ дал готовиться к венцу мне с постылым суженым.

– С кем? – с любопытством спросила мамка.

– С Глебом Морозовым!.. – захлебываясь слезами, ответила молодая девушка.

– Неужели? Да ведь боярин Морозов годится тебе не ток-

мо в отцы, а и в деды!

– И я про то батюшке докладывала.

– Ну и что же он?

– Слов моих не принимает... грозно свой родительский наказ отдал невестой быть старого боярина.

– Ах, моя болезная, что тебе делать-то, как быть?

– Известно как – воле отцовской покориться.

– А как же боярич Владимир? – сквозь слезы спросила Гавриловна у своей выходицы-барышни.

– Видно, не судьба мне быть его женой... Проститься с ним надо... расстаться навсегда, на всю жизнь!

– А ты, боярышня, не ходи за старого Морозова.

– И не пошла бы, да приказывают. Против отцовской воли не пойдешь!

– Где!.. Разве можно!

– А ты, Гавриловна, скажи Владимиру, чтобы он пришел со мной проститься.

– А куда ему прийти-то, жемчужина моя?

– Куда? Я и сама не знаю... В хоромы к нам прийти ему нельзя.

– Где!.. Твой батюшка прогнать велит боярича в три шеи.

– Как же быть? А поговорить с Владимиром мне надо бы.

– А я придумала, боярышня, где свиданьице тебе назначить с бояричем.

– Где? – живо спросила у мамки дочь Соковнина.

– В бане.

– Да ты, Гавриловна, видно, рехнулась!

– А что, жемчужина моя?

– Как же пойду я в баню одна ночной порой?

– Не одна пойдешь, а со мной, я провожу.

– Страшно...

– Чего?

– Быть в бане в полночный час.

– Да не одна ты будешь, а со мной и с бояричем и не в полночный час, а вечером.

– А все же, мамка, страшно.

– Ничуточки. Уж очень ты робка, жемчужина моя...

Причина, почему старуха Гавриловна так уговаривала Феню идти на свидание с бояричем Владимиром Пушкаревым – так звали возлюбленного Фени, – была такая: молодой боярич часто дарил Гавриловне деньги, до которых она была страстная охотница. Устроив свидание боярышни с Пушкаревым, она надеялась получить щедрую подачку. Сама по себе Гавриловна была не дурная старуха, но страсть к деньгам иногда заставляла ее делать дурные поступки.

Феня, как ни любила Пушкарева, но все-таки долго не решалась идти на свидание с ним в пустую баню. Но ей надо было поговорить с бояричем, проститься с ним, повидаться в последний раз...

Феня решила идти.

Глава II

Зимний вечер. Мороз. Луна серебрит промерзлый снег.

В большом терему дворянина Прокофия Соковнина все спит глубоким сном.

Кругом могильная тишина, сторожевые псы – и те от лютого мороза забрались в свои конуры.

Вот по лестнице из сеней спустилась Феня, закутанная в атласную шубейку; за ней старуха Гавриловна.

Обе они стали тихо пробираться к бане.

Баня отстояла от терема на добрые полверсты и находилась на огороде; огород же Соковнина спускался к Москве-реке, а терем его расположен был на улице Варварке; за теремом шел большой, густой сад, а за садом уж огород.

Чтобы попасть в баню, надо было пройти весь двор и обогнуть сад.

В баню Соковнин в то время ходил редко, потому и дорога к ней тогда расчищалась от снега, только когда баня жарко натапливалась для боярина.

Феня и Гавриловна, направляясь к бане, поминутно увязали в снегу.

Старуха мамка ворчала и на мороз, и на снег, и на саму себя: зачем-де она в такое неурочное время, когда все добрые люди спят, по двору шляется, в снегу вязнет, свой нос старушечий морозит!

«Сама, старая дура, виновата, сама боярышню поманила на свидание... А все корысть меня одолела! Уж больно-то люблю я деньги, особенно новенькие... Так бы вот все и смотрела на деньги», – думала Гавриловна, увязая по пояс в снегу.

– Гавриловна, я вернусь, – останавливаясь, проговорила Феня.

– Зачем вернешься, когда к бане подошли?

– Ох, страшно!

– Да полно, жемчужина моя.

Баня на самом деле была близко, и корыстолюбивая старуха уже предвкушала то блаженство, когда получит от молодого боярича Пушкарева несколько серебряных монет.

Вдруг неожиданная встреча с боярином Соковниным разбила все ее мечты.

Прокофий Федорович как из-под земли вырос перед женщинами.

– Куда идете? – грозно спросил Соковнин, загораживая им дорогу.

Старуха от страха ткнулась в снег, а Феня, бледная, чуть живая, стояла перед своим отцом.

– Куда шли?

– В баню, – приподымаясь, тихо ответила старуха и невпопад.

– Да разве баня топлена?

– Топлена, государь.

– Врешь, старая ведьма!

И здоровая затрещина заставила Гавриловну снова ткнуться носом в снег.

– Домой идите!.. А я пойду и узнаю, зачем вы в баню шли...

Феня и старуха мамка, дрожа всем телом от испуга, поспешили в терем, а Соковнин направился к бане.

Объясним, как он очутился ночью на своем дворе.

Не спалось что-то Прокофию Федоровичу, и он, накинув на плечи кафтан, стал ходить по горнице. Луна ярко светила в окна сквозь промерзлые стекла. Стекла в то время ценились очень дорого и составляли чуть не редкость, но, несмотря на это, в тереме у Соковнина в окнах везде были стекла...

Вот видит он, что на его дворе мелькнули две какие-то тени. Прокофий Федорович стал всматриваться и узнал свою дочь и ее мамку.

«Вот чудо! Зачем это Феня на дворе с мамкой?.. Куда это они идут? Кажись, к бане... Зачем в такую пору? Пойти узнать...»

Соковнин надел кафтан, шапку, взял в руки трость и поспешил на двор. Он опередил Феню и Гавриловну, идя к бане по другой, ближайшей дорожке.

Отослав дочь и мамку домой, Прокофий Федорович быстро отворил дверь в баню.

Там застал он боярина Владимира Пушкарева.

«Вот оно что... ну, дочка, спасибо, уважила, к молодому

парню на свидание шла... А всему виной мамка, старая ведьма, – это она свела дочь с Пушкаревым!» – думал Соковнин, грозно посматривая на молодого Пушкарева, на которого от неожиданности нашел столбняк; он так и остался с широко раскрытыми глазами и разинутым ртом.

Владимир Пушкарев, сын незнатного, бедного дворянина, терем которого находился неподалеку от богатого терема Соковнина, страстно любил Феню, которая платила ему тем же.

Познакомились и виделись они в приходской церкви Преподобного Максима, куда часто ходила Феня в сопровождении своей мамки Гавриловны.

Молодой Пушкарев был красавец собой, стройный, бравоый; служил он стрелецким сотенным и был на хорошем счету у начальства. Всем бы взял парень, и нравом, и красотой, и молодечеством, – одно его лихо – рода незнатного и достатков у него не было.

Мог ли стрелецкий сотник питать надежду, что богатый дворянин Соковнин выдаст за него свою любимую дочь?

А Феня с радостью пошла бы под святой венец с молодым стрельцом Пушкаревым, но это было не в ее воле.

Кого отец выберет ей в мужья, с кем благословит под венец – с тем и ступай.

Выбрал красавице Фене отец в мужья старика Глеба Морозова, с ним волей-неволей и приходится ей стать рядом под святым венцом.

– Здорово, господин стрелец-удалец! Как это ты не в урочный час ко мне в гости припожаловал, да не в терем, а в баню? Может, как ненароком сюда попал? – полунасмешливо-полусердито спросил Соковнин. – Да и пришел ты, добрый молодец, ко мне не в ворота, а через изгородь, как вор.

– В твоей я воле, боярин, делай со мной что хочешь, – несколько придя в себя, проговорил Владимир Пушкарев.

– Зачем пришел, сказывай! – крикнул на него Прокофий Федорович.

– Что же, скрывать теперь нечего – на свидание с твоей дочерью пришел.

– Спасибо за откровенность... Давно ли ты с ней слюбился!

– С лета...

– Что же сватов ко мне не заслал дочь сватать?

– Боялся – не выдашь.

– Догадлив...

– Прокофий Федорович, отдай мне в жены Феню, за это я готов в кабалу к тебе идти, – с мольбой в голосе промолвил Пушкарев,

– Опоздал, брат.

– Как?

– Да так... моя дочь будет женой, только не твоей.

– А чьей же?

– Боярина Глеба Ивановича Морозова.

– Неужели правда? – не спросил, а простонал молодой

стрелецкий сотенный.

– Врать не стану, недельки через две на свадьбу приходи! А теперь той же дорогой, которой пришел, уходи. И горе тебе будет, если ты хоть едино слово кому скажешь, что с дочерью моей слубился.

– Наша любовь, Прокофий Федорович, чистая, честная, – тихо сказал Пушкарев.

– В том твое и счастье, а если бы ты дерзнул посягнуть на честь девичью, я задушил бы тебя, как собаку! – грозно крикнул старик Соковнин.

– Прости, Прокофий Федорович, – идя к двери, сказал молодой Пушкарев.

– Стой... Даю тебе совет, стрелец молодой, из Москвы уехать куда подальше. Для твоей пользы говорю...

– Слушаю... к рубежу проситься стану...

– И хорошо сделаешь! Прощай...

Через две недели после описанного в одной из московских церквей происходило венчание именитого боярина Глеба Ивановича Морозова с дочерью дворянина Прокофия Соковнина.

Жениху было за пятьдесят лет, а невесте – всего семнадцать.

Морозов, стоя под венцом, сиял довольством и счастьем, а Феня, бледная, с распухшими от слез глазами, была как к смерти приговоренная.

Брачного пира или вечера в богатом и большом тереме у

боярина Глеба Морозова не было, были только одни родичи и близкие люди...

В эти две недели у молодого Пушкарева и старухи Гавриловны, мамки Фени, тоже произошли перемены.

Первый по доброй воле упросил стрелецкого начальника, чтобы он послал его к рубежу, к Литве, а вторая была сослана Прокофием Федоровичем в его самую дальнюю вотчину – Гавриловна была разжалована из мамок в простую скотницу.

Глава III

– Фенюшка, жена моя разлюбезная, об одном прошу тебя: не срами ты моих седых волос, не клади пятна на мой славный род!

Так говорил боярин Глеб Иванович Морозов своей молодой жене по прошествии года после венчания, посматривая на нее своими добрыми глазами ласково и любовно.

– Боярин Глеб, я не понимаю тебя! Ума не приложу, про что ты говоришь!

– Я стар, Феня...

– Так что же?

– А ты молода, пригожа...

– Не знаю, зачем про все это ты говоришь? Зачем? – вспыхнув, сердито промолвила боярыня Морозова.

– Предостеречь тебя хочу, моя сердечная...

– От чего?

– От греха.

– Да от какого? Говори ты толком, Глеб Иванович.

– Или не понимаешь?

– Не понимаю!

– Без любви ты шла за меня, Фенюшка, я это знаю... И теперь ведь не любишь? Да я любви твоей и не требую. Молодой полюбить старика трудно. Только об одном, мол, прошу: будь мне верна. Будь верна тем клятвам, что клялась ты в

храме Божиим, когда стояла со мной рядом под святым венцом.

– Вот ты о чем говоришь...

– Это для меня все, Феня.

– Будь спокоен, боярин, над твоей любовью я не посмеюсь, седых волос твоих не осрамлю и клятву венчальную не нарушу.

– Спасибо, Фенюшка, спасибо, родная. Я так и знал, что пожалеешь ты меня, старика.

Боярин крепко обнял и поцеловал свою молодую жену.

А на другой день после разговора боярина Глеба Морозова с молодой женой, в поздний теплый летний вечер, в его саду боярском происходил у боярыни Федосьи Морозовой другой разговор, только не с мужем – он отсутствовал, поехал на богомолье, – а со стрелецким сотенным Владимиром Пушкаревым.

– Зачем пришел-припожаловал? – хмуря свои соболиные брови, сердито спросила боярыня-красавица у Пушкарева.

– Чай, знаешь зачем, – тихо ответил ей молодой стрелец.

– Нет, не знаю.

– Соскучился... взглянуть на тебя пришел. И ради любви к тебе пришел я не в ворота, а через изгородь, как вор, как тать ночной...

– Вот как! Спасибо за любовь, – холодно проговорила Федосья Прокофьевна.

– Что, боярыня, неласково со мной говоришь?

– Уж как умею... Только опять тебе скажу: напрасно ты пришел.

– Боярыня... Феня моя...

– Не моги так звать меня. Я для тебя не Феня, а Федосья Прокофьевна! – сверкнув гневно своими красивыми глазами, промолвила боярыня.

– Неужели ты меня забыла, разлюбила?

– А ты меня все помнишь, все любишь?

– Сильнее прежнего! – с жаром ответил молодой стрелец.

– Напрасно, – спокойно заметила красавица.

– Как так напрасно?

– Да так... От живого мужа замуж выйти за тебя нельзя, а любовницей твоей я никогда не буду. Так ты это и знай.

– Феня...

– Опять?

– Прости, Федосья Прокофьевна, обмолвился.

– То-то! Помни! Что было, то прошло и ковыль-травой заросло.

– Не ждал я от тебя, боярыня, такой встреча. Почитай, год целый я жил у рубежа, в Литве. В схватках боевых с врагом я старался забыть тебя, не помнить... но не смог забыть: твой чудный образ всегда стоял передо мной, манил меня к тебе.

– Теперь поздно, поздно. Если любишь, зачем другому меня отдал?

– Что же мне было делать?

– Как что, господин стрелецкий сотенный? Чай, ты не баба! Или ума у тебя не хватило и смелости отбить меня у старого суженого?

– Голову в ту пору я потерял, не знал, что делать! – оправдывался Владимир Пушкарев.

– Плох же ты, парень!

– Боярыня, скажи, ведь ты не любишь мужа старого?

– К мужу я привыкла, уважаю его.

– Привыкла, уважаешь – и только?

– Стараюсь полюбить его.

– И не полюбишь.

– Нет, полюблю. Глеб Иванович стоит моей любви.

– Ты молодая, красавица, а муж твой старик... его нельзя полюбить, нельзя...

– А я полюблю. Однако прощай, мне пора... Пожалуй, скоро светать станет; засиделась с тобой я, парень, до позднего часа.

– До рассвета еще далеко, побудь, боярыня, со мной, дай мне тобой налюбоваться всласть – ведь напоследях я свидетелюсь с тобой! Расстанемся мы навсегда... – сквозь слезы проговорил стрелецкий сотенный. – Если ты разлюбила меня, то хоть пожалей. Пожалей меня, горемычного...

– Я... я и то, парень, тебя жалею...

– Жалеешь – и только!..

– Чего же еще тебе?

– Любви твоей...

– Опомнись, что говоришь! Ведь я не девка, а честная замужняя жена.

– Меня... одного меня любить должна ты!.. – страстным, задыхающимся голосом проговорил молодой Пушкарев. – Одного меня!..

– Я боюсь тебя... Прощай!

Боярыня Морозова пошла к своему терему. Молодой стрелец быстро забежал ей вперед и остановил, загородив ей дорогу...

– Я не пущу тебя...

– Опомнись! Или насильничать задумал?

– Ты со мной пойдешь? Пойдем!..

– Как не пойти...

– Мы убежим с тобой, моя голубка, на край света белого...

Станем жить в любви...

– Да ты рехнулся? Пусти!

– Нет, не пущу! Со мной пойдем... Со мной!

Владимир Пушкарев обнял было молодую боярыню, но та с силой его оттолкнула.

– Вот ты как?! Насильничать... Хорош!.. Я людей покличу! – задыхаясь от гнева, проговорила Федосья Прокофьевна.

– Кличь, мне все равно! Без тебя мне нет жизни!

– Опомнись, боярич, приди в себя, ступай домой, пока есть время...

– Да ведь я люблю, люблю тебя!..

И молодой Пушкарев громко зарыдал, закрыв лицо руками.

В саду близ того места, где стояла боярыня, в кустах слышался легкий шорох.

– Ступай скорее, Владимир, иначе ты сам погибнешь и меня погубишь.

– Говорю – мне все равно...

– Полно, не плачь... забудь меня... полюби другую... Знай, боярич, и я клянусь судьбу-злодейку, что нас с тобой навеки разлучила... Прощай... прощай...

У молодой боярыни дрогнул голос и на глазах выступили слезы. Она, скрывая свое волнение, поспешила вон из сада.

Теперь молодой стрелецкий сотенный не останавливал Федосью Прокофьевну. Он безмолвно стоял, облокотившись о дерево, и тихо плакал.

– Полно, добрый молодец, убиваться о чужой жене... Беги скорее вон из сада, не клади позора на славного боярина Глеба Ивановича Морозова, – проговорил седой как лунь старик, выходя из кустов.

На нем была надета белая холстинная рубаха, в руках суковатая палка; лицо у старика было доброе, располагающее, глаза светлые, ласковые.

Это был пестун боярина Глеба Морозова, звали его дед Иван. Лет ему было с лишком за восемьдесят. Несмотря на такие годы, старик не утратил природного ума, способностей и проницательности к пониманию человеческой жизни.

Дед Иван был грамотный, большой начетчик, знал почти наизусть Священное Писание...

День у деда Ивана начинался продолжительной молитвой. Ежедневно бывал он в церкви, а вечером и ночью ходил молиться в боярский сад.

Сад у Морозова был громадный. Там в глубине садовой чащи, куда редко кто и днем заходил, дед Иван под развесистой липой прикрепил к дереву полку, на нее поставил икону старинного письма и всякий поздний вечер приходил сюда молиться. Дикая картинность места, безмолвие – все располагало к молитве.

Деда Ивана любили и уважали все, начиная с самого боярина Морозова и кончая последним его холопом.

Глеб Иванович не начинал никакого дела, предварительно не посоветовавшись со своим пестуном, смотрел на него не как на своего крепостного слугу, а как на близкого родича, часто звал его к своему боярскому столу. И жил дед Иван в боярском тереме на покое, никакой обязанности у него не было, никакого дела с него не спрашивали.

Дед Иван, придя в боярский сад на обычную молитву, сделался невольным свидетелем разговора, произошедшего между боярыней Федосьей Прокофьевной и молодым стрелецким сотенным Владимиром Пушкаревым. Пушкарев, прибыв в Москву из Литвы, не преминул под каким-то предлогом явиться в терем к Морозову. Самого боярина он не застал, и, улучив время, стрелецкий сотенный уговорил

Федосью Прокофьевну выйти с ним поздним вечером в сад.

При взгляде на деда Ивана в белой рубахе, с длинной седой бородой, освещенном лунным светом, молодой Пушкарев принял его за привидение и невольно вскрикнул.

– Испугался? Греха бойся, от греха, молодец, беги... Беги, мол, от греха, – наставительно проговорил ему старик.

– Кто ты? – с испугом спросил у него стрелецкий сотенный.

– Человек, как и ты, – улыбаясь своей добродушной улыбкой, ответил ему дед Иван.

– Напугал же ты меня, старик!

– Говорю: не меня бойся, а греха...

– Ты слышал наш разговор?

– Слышал...

– А ты здешний?

– Здешний. А как ты в боярский сад попал? Зачем пришел? Надо бежать от греха, а ты сам на грех идешь, – строго проговорил дед Иван.

– Я... я уйду сейчас, дедушка... Лицо твое говорит, что ты добрый и ничьей погибели не ищешь... Забудь то, что слышал здесь! Вот кошель, он с деньгами... возьми, только никому не говори про мой разговор с боярыней, – проговорил Владимир Пушкарев, протягивая руку с кошельком.

– Мне твоих денег не надо – я богат Божьей и боярской милостью! Деньги раздай Христовой братии. А доносчиком я и смолоду не был... – ответил старик, отстраняя от себя

кошелек.

– Так ты не скажешь, дедушка?

– Знамо, не скажу! Только больше сюда ни ногой – слышишь?

– Слышу, дед.

– То-то, мол, гляди, добрый молодец... Не то быть большой беде, быть большому греху! – предостерег дед Иван Владимира Пушкарева.

– Завтра я опять уеду из Москвы.

– Куда?

– На рубеж.

– Поезжай дальше от соблазна, дальше от греха.

– Прощай, дед...

– Прощай, храни тебя Бог!

Забор, отделявший сад боярина Морозова от улицы, был невысок, и молодому Пушкареву не составило большого труда перелезть через этот забор.

На улице дожидался его привязанный к дереву лихой конь. Быстро вскочил на него стрелецкий сотенный и помчался по безмолвным московским улицам.

Глава IV

Дед Иван сдержал свое слово: о происшествии в саду он ничего не сказал боярину Глебу Ивановичу, ни словом ни делом не выдал боярыню Федосью Прокофьевну.

Вернувшись с богомолья, боярин застал свою жену в душеспасительной беседе с протопопом Аввакумом – он был духовником Федосьи Прокофьевны. Аввакум в то время был еще близок к царскому духовнику, к протопопу Стефану Во-нифатьеву, и вхож был на «верх», то есть во дворец государев.

Боярыня Морозова, несмотря на свои молодые годы, была очень богомольна и богобоязненна; она часто посещала монастыри и всякий день ходила в свою приходскую церковь.

Боярин Глеб Иванович, поздоровавшись с Аввакумом, обратился к своей молодой жене с такими словами:

– Вельми приятно мне видеть тебя, Федосья Прокофьевна, за сим душеспасительным занятием.

– В беседе с отцом Аввакумом я вижу для себя большую усладу, – скромно промолвила молодая боярыня.

– И аз, многогрешный, в беседе с тобой, боярыня Федосья Прокофьевна, вижу двоякую пользу и для тебя, голубица моя, и для себя... – смиренно ответил протопоп.

– Ну, сказывай, отче, что нового в Москве? Ведь я только что вернулся, на богомолье в Троицкой обители был, с неде-

лю гостил там, – меняя разговор, обратился боярин Морозов к Аввакуму.

– Новостей, боярин, немного.

– Ну, в таком большом городе да мало новостей! Что-то, отче, чудно! Ну а патриарх Никон как, здоров ли?

– Что ему делается! – хмуро ответил Аввакум.

– Ты как будто с ним не в ладу?

– С бесом ладить легче, чем с ним.

– Негоже, отче, отзываться так о святейшем патриархе.

– Какой он патриарх!

– А кто же? – с удивлением посматривая на Аввакума, спросил у него Глеб Иванович.

– Еретик!

– Что?.. Как ты молвил? – не веря своим ушам, переспросил у протопопа боярин Морозов.

– Говорю, Никон не патриарх всероссийской церкви, а еретик, – нисколько не смущаясь, повторил Аввакум.

– Твои ли это речи, отче?.. Подумал ли ты про то, что сказал?

– Думал, боярин, долго я думал и пришел к тому, что Никон – волк в овечьей шкуре.

– Да что... что ты говоришь?

– Правду, сущую правду! По уставу святых отцов семи вселенских соборов и других многих поместных соборов всяк человек, отвергающий догматы и обряды святой церкви, есть еретик.

– Ну так что же?

– А Никон что сделал?.. Он искажил своими вставками да поправками Священное Писание! Вместо сугубой «аллилуйи» установил тройную... Да что я тебе, боярин, рассказываю, чай, и сам ты хорошо знаешь, как Никон искажил слова священные и как он глумится над вековыми обрядами и обычаями церковными! Вот и есть он не святейший патриарх, а волк, губящий стадо Христово! – весь покраснев от волнения и гнева, проговорил протопоп Аввакум.

– Вот оно что! Говорят, что у нас в Москве появилось немало людей, недовольных нововведениями патриарха Никона!

– А знаешь ли ты, боярин, как те люди называются? – быстро спросил Аввакум, сверкая глазами.

– А как?

– Борцами за правую, старую веру.

– Не хочешь ли и ты, протопоп, пристать к тем борцам? – насмешливо спросил Глеб Иванович.

– Зело буду рад, коли Господь сподобит и меня страстотерпцем быть за старую веру.

– А на это вот что скажу тебе, Аввакум: для таких борцов и страстотерпцев, как ты, двери моего терема будут наглухо закрыты. Помни! – сурово проговорил боярин Морозов и, сердито хлопнув дверью, вышел из горницы.

– Ах, бедная Федосьюшка, и твой муж угодил в стадо сатанинское, – со вздохом промолвил Аввакум, поглядывая с

жалостью вслед боярину.

– Помолись за него, святой отче, да обратит Господь на путь правды моего мужа, – припав к руке протопопа, со слезами промолвила боярыня Морозова.

Глава V

В мире ничего нет сокровенного, и какая бы ни была тайна, она открывается со временем. Так произошло и с тайной молодой боярыни Федосьи Прокофьевны Морозовой.

Что Владимир Пушкарев был прежде ее возлюбленным, о том совершенно случайно узнал боярин Глеб Иванович.

Узнал он об этом так.

Однажды боярин Морозов приехал из государева дворца в пору послеобеденную к себе домой. Он застал свою молодую жену сладко спавшей после вкусного и сытного обеда. Красавица боярыня прилегла на широкую скамью, покрытую медвежьей шкурой, и крепко заснула.

Старик боярин залюбовался своей спавшей молодой женой-красавицей.

– Голубка моя чистая сладко спит, покойно, тревожный сон не тяготит ее молодую жизнь... Как она хороша! Недаром завидуют мне, что жена у меня раскрасавица. Спи, моя любя сердечная... Да будет тих и покоен твой сон! – тихо проговорил Глеб Иванович и поднял руку, чтобы перекрестить свою спавшую жену...

Поднятая с крестным знаменем его рука замерла.

Федосья Прокофьевна заговорила во сне.

– Прощай, мой Владимир... злая судьба нас разлучила... навеки...

– Господи, что я слышу!.. У моей жены, видно, полюбовник есть?.. Владимира во сне она вспоминала... Что же это? Своими ли ушами я слышу? – задыхаясь от волнения, промолвил Морозов.

– Оставь меня... я жена другого... муж старый... а все же муж... – продолжала бредить красавица боярыня.

Бедный Глеб Иванович чуть на ногах стоял.

Ревность, обида, злоба на неверную и преступную жену мучили его. Он хотел броситься на Федосью Прокофьевну, силой и пыткой заставить ее повиниться, а там, вдосталь надругавшись над женой, над ее красотой, над ее молодостью, – убить.

Но рассудок взял свое.

Глеб Иванович имел кроткий нрав и податливое ко всякому добру сердце.

«Царь Небесный посылает мне испытание! Надо без ропота нести данный крест. Грешник я... Гордыня меня обуяла, спесь! Вот Господь и послал мне смирение!» – такую скорбную думу думал боярин Морозов.

– Жена моя любая, не ждал я, не гадал, что ты за мою любовь и ласку отплатишь мне позором. Стар я, но все же не след бы тебе смеяться над моими сединами. Господь нас рассудит...

Проговорив вслух эти слова, старый боярин поспешно вышел из опочивальни своей жены, которая продолжала спать самым беззаботным сном, не подозревая, что своим любов-

ным бредом себя выдала.

Глеб Иванович позвал к себе деда Ивана.

Когда дед Иван вошел в горницу к своему господину, то застал его печально сидевшим у стола.

– Ты звал меня, бояринушка? – тихо и ласково спросил дед Иван у Морозова.

– Пожалей меня, дед, я несчастный человек!

– Что ты, бояринушка!

– Правду говорю, дед.

– Да чем же ты несчастен?

– Жена меня обманула.

– Что?.. Боярыня?.. – меняясь в лице, воскликнул дед.

– Да... обманула, надругалась... не пожалела моего славного имени, моих седых волос... полюбовника завела! – со стоном проговорил боярин Морозов, закрывая лицо руками.

– Так ли, бояринушка?

– Так, дед!.. Сама сейчас сказала.

– Как – сама?.. Сама боярыня тебе это сказала? – с удивлением спросил дед Иван.

– Да, во сне... в бреду... Вернувшись из дворца, я застал жену спящей. Во сне при мне она помянула какого-то Владимира, своего любовника.

– Владимира во сне назвала боярыня? – переспросил дед.

– Да... Владимира помянула, змея подколотная! – с глубоким вздохом ответил ему Морозов.

Теперь дед Иван догадался, кто был этот Владимир. Он

вспомнил разговор в саду боярыни с молодым стрельцом.

– Бояринушка, успокойся, я знаю этого Владимира, – улыбаясь, проговорил дед Иван.

– Знаешь? – удивился Глеб Иванович.

– Да, знаю. Полюбовника у твоей жены нет, облыжно на нее ты говоришь.

– Как облыжно?

– Да так.

– Кого же во сне жена вспомянула?

– А вот послушай мой сказ.

– Говори, дед, говори.

– Ох, бояринушка, и кипяток же ты! Вспылил, а сам не знаешь с чего. Жену свою ни за что ни про что нехорошим словом обозвал. Не надо бы так... грешно!

– Да пойми ты, дед, ведь я люблю ее! Феня для меня все, все – она жизнь моя, моя отрада! Зачем же ее у меня отнимать! Она Богом мне дана! – с жаром проговорил боярин Морозов.

– И никто у тебя жену не отнимает. Она твоей и останется. А ты послушай, бояринушка.

Дед Иван подробно рассказал своему господину о разговоре боярыни Морозовой с Владимиром Пушкаревым, который случайно пришлось подслушать.

– Так, стало быть, Владимир был только суженым Фени? – радостным голосом спросил у старика Глеб Иванович.

– Только и всего.

– Господи, я думал... Спасибо тебе, дед Иван, большое спасибо! Своими умными словами ты меня вполне успокоил.

При этих словах боярин Морозов низко поклонился своему старому слуге.

– Больно, бояринушка, сердце у тебя беспокойное. И сам ты огневой.

– Что делать, дед, таким уж уродился.

– Хочешь, бояринушка, я совет тебе дам.

– Давай, дед, рад я всегда твоему совету.

– Своей жене про то ты ни слова не говори. Не тревожь себя и ее...

– Не скажу, дед. И виду не покажу.

– Так, так, бояринушка... Будь по-прежнему со своей боярыней ласков и приветлив. Люби ее, она стоит твоей любви.

– Я-то, дед, ее люблю, много люблю, вот она-то меня любит ли?

– Дай срок – полюбит...

– Кажись бы, время, дед, и полюбить ей меня.

– Говорю – полюбит! Она и теперь тебя любит, а придет время – полюбит еще больше.

– Ох, любит ли?

– Сам я, бояринушка, слышал, как боярыня Федосья Прокофьевна своему прежнему суженому говорила, что тебя любит.

– Да неужели, дед, правда?

– И смолоду не врал, а под старость и подавно не буду...

– Дедка мой любый! Знаешь ли, ты своими словами обновляешь жизнь мою и счастьем меня даришь! Да еще каким счастьем-то!

Боярин Морозов крепко обнял и поцеловал старика. Теперь он вполне был уверен в невинности своей молодой жены: деду Ивану он верил.

Боярин Морозов был по-прежнему ласков с Федосьей Прокофьевной, он ни единым словом не намекнул своей жене, что знает про ее свидание в саду с молодым Пушкаревым.

Старый боярин сознавал различие лет между ним и женой. Сознавал, что полюбить его той любовью, которой обыкновенно любят молодые жены своих молодых красивых мужей, нельзя. Он и не требовал такой любви, Глебу Ивановичу нужна была тихая, покойная любовь.

Красавица Федосья Прокофьевна свыклась со своей жизнью. Видя любовь и ласки старого мужа, она привязалась к нему, а скоро эта привязанность уступила место любви.

После шестилетнего супружества у них родился сын, названный при крещении Иваном. По случаю рождения сына радость в тереме боярина Глеба Ивановича была большая.

Мы уже сказали, что Глеб Иванович Морозов занимал, так же как и брат его Борис Иванович, при дворе «тишайшего» царя Алексея Михайловича видное положение. Оба брата Морозовы были близки к царю, и им были любимы.

Глава VI

Борис Морозов получил боярство еще при царе Михаиле Федоровиче, в 1634 году, и был назначен в дядьки к царевичу Алексею, а его брат, Глеб Морозов, получил боярство в 1637 году и назначен был дядькой к другому царевичу, Ивану Михайловичу. Но царевич Иван скоро умер, и боярин Глеб Иванович был послан государем быть воеводой Переславля Рязанского. Но здесь он пробыл недолго и был послан воеводой в Новгород. Там он пробыл до вступления на царство Алексея Михайловича, то есть до 1645 года.

Тогда при молодом царе Алексее Михайловиче Борис Морозов занимал как воспитатель государя первое место. А Глеб Морозов с 1649-го по 1661 год воеводствовал в Казани.

«Для Бориса (Морозова) был очень нужен свой человек, потому что на низу у него было много вотчин, самых богатых, продукты которых, например, вино, хлеб, Борис ставил подрядом в казну, именно в Казань. Последняя известная нам служба Глеба Морозова состояла в том, что он сопровождал государя в двух польских походах 1654 и 1655 годов, находясь неотлучно при его особе. Вообще возвышение старшего брата поднимало, конечно, на приличное место и младшего, человека, по-видимому, ничем особенно не замечательного»¹.

¹ Ив. Забелин.

Боярин Глеб Морозов женился на Федосье Прокофьевне уже вторым браком; первая его жена была Авдотья Алексеевна, чьего рода – неизвестно; с ней он жил более тридцати лет.

Женитьба его на Федосье Прокофьевне относится ко времени 1648–1654 годов. Боярыня Федосья Прокофьевна не по мужу только была близка к царскому двору.

«По всему вероятно, – пишет И. Забелин, – она и замуж выдана из дворца от царицы или, по крайней мере, при особенном ее покровительстве. Она была дочерью окольного Прокофия Федоровича Соковнина, человека очень близкого и, без сомнения, родственника царицы Марьи Ильиничны, супруги царя Алексея Михайловича. У боярыни Федосьи Прокофьевны было два брата, Федор и Алексей, занимавшие места стольников у царя и царицы. Младшая сестра ее, Евдокия, была выдана замуж за князя Петра Семеновича Урусова; он был тоже приближенным к царю. Князь Урусов был кравчим, то есть прислуживал при царском столе.

Мы уже сказали, что неравенство лет супругов не могло, конечно, не отразиться на их семейной жизни.

Подробности замужней жизни Федосьи Прокофьевны нам почти неизвестны. Но, имея в виду общий склад тогдашнего домашнего быта бояр, можем предположить, что дом такого степенного, богобоязненного и тихого боярина, каким действительно был Глеб Иванович, скорее, чем другие, должен был служить наиболее полным выражением идеалов

«Домостроя». Недаром Глеб Иванович был спальником царя Михаила, недаром он назначен был оберегать и спальню новобрачного царя Алексея. Вместе с тем близость обоих супругов ко дворцу тоже способствовала очень много к устройству этого дома в порядке и в духе чтимой старины, ибо во дворце упомянутые идеалы, особенно на женской половине, являлись уже неизменными установлениями благообразной и, так сказать, образцовой жизни. Все поучения – как верить и как жить Богу угодно – во всех своих мелких подробностях соблюдались здесь с неизменной строгостью.

Но важнее всего было то, что духовником Федосьи Прокофьевны, как и ее сестры Евдокии, был знаменитый протопоп Аввакум². Этот Аввакум, как увидим далее, имел огромное влияние на боярыню Морозову и вовлек ее в старообрядчество, так же как и сестру Морозовой, княгиню Евдокию Урусову.

При жизни Глеба Ивановича Аввакум не смел показываться в тереме боярина Морозова; самим боярином запрещен был ему туда вход.

Но боярин Глеб Морозов, прожив с молодой женой двенадцать лет, скончался. Тогда Аввакум стал первым гостем у вдовы Федосьи Прокофьевны, и силой своего красноречия он заставил боярыню Морозову сделаться самой рьяной старообрядкой, подчинив ее своей воле. Чувствуя приближение смерти, Глеб Иванович призвал к себе свою жену и обратил-

² Ив. Забелин.

ся к ней с таким словом:

– Феня, я умираю... Все добро мое, все вотчины и усадьбы оставляю тебе и сыну Ванюшке...

Федосья Прокофьевна заплакала.

– Не плачь, твои слезы тяжелы для меня...

– Ты будешь жить, Глеб Иванович.

– Не жилец я на белом свете, дни мои сочтены... Выслушай, Феня, мой предсмертный наказ, мой последний завет.

– Слушаю, – сдерживая свои слезы, проговорила боярыня Морозова.

– Сына нашего, Иванушку, воспитай в страхе Божиим, сумей сделать из него верного слугу царю-государю и родной земле... Дай мне, жена, обещание, что ты наказ мой выполнишь.

– Обещаю...

– Спасибо... После моей смерти ты, Фенюшка, вольна делать что хочешь... хоть замуж выходи.

– Что ты, Глеб Иванович, да сбыточное ли дело, чтобы я во второй раз замуж пошла? – вся вспыхнув, промолвила Федосья Прокофьевна.

– А почему тебе и не пойти? Ты еще молода, красива... Выходи за Владимира, – пристально посматривая на жену, как-то значительно проговорил умирающий.

– За какого Владимира? – вспыхнув еще более, спросила тихо молодая женщина.

– Чай, знаешь...

– Никого я не знаю...

– Полно, Феня, не притворяйся, я скоро умру, теперь мне все равно.

– Право, я не знаю, какой такой Владимир?..

– Твой прежний суженый... тот, который, в мое отсутствие из терема, был в нашем саду... Чай, помнишь?.. Неужели забыла?

– Как... ты, боярин, знаешь?..

– Знаю, Феня... и помню... хоть и давно это было...

– И ты мне раньше об этом ничего не сказал, не упрекнул меня...

– К чему упреки, брань? Насильно мил не будешь...

– Какой ты добрый, славный... Я глубоко тебя люблю и уважаю! Даю клятву, что после твоей смерти моим мужем никто не будет! Поклянусь я в этом страшной клятвой... Верна была тебе я, Глеб Иванович, при жизни, останусь верна и по твоей кончине! – с рыданием проговорила боярыня Морозова, падая на колени перед одром своего умирающего мужа.

Спустя два дня после описанного именитого боярина Глеба Ивановича Морозова не стало. Благословив своего сына, младенца Ивана, он тихо скончался на руках своей любимой жены. Царь и весь двор были на похоронах боярина Глеба Морозова.

Федосья Прокофьевна, одетая в траурные одежды, плака-

ла непритворными слезами.

Со смертью мужа для нее началась новая жизнь, полная печальных приключений.

Глава VII

Первые годы вдовства Федосьи Прокофьевны Морозовой шли обыкновенным порядком. Она жила, как следует большой и богатой боярыне знатного рода. Терем у нее был полная чаша, от дорогих мехов, бархата, атласа и парчи сундуки ломились. Выезжала боярыня Морозова во дворец и к родным или знакомым с подобающею барской обстановкой и пышностью, в дорогой карете, «украшенной серебром, на аргамаках многих».

Запрягали ей в карету шесть лошадей, а иногда и двенадцать; вся сбруя была серебряная, с «гремячими цепями».

За каретой ехали и шли ее дворовые слуги, человек по сто или двести, а иногда и триста. Они оберегали честь и здоровье именитой боярыни, своей госпожи. Крепостных крестьян у Морозовой было несколько тысяч, слуг и служанок при ее дворе считали сотнями

В большой чести и в славе жила Федосья Прокофьевна в Москве златоглавой.

Во дворце, в теремах царицы и царевен боярыня Морозова была своим человеком.

Но, несмотря на окружающую роскошь и несметное богатство, Федосья Прокофьевна вела жизнь почти монашескую.

Она «по понятиям и убеждениям века» уже носила в своем положении смысл монахини. Честное вдовство само со-

бой уже приравнивалось к обету иноческому. Поэтому вся жизнь вдовы со всею ее обстановкой естественным и незаметным путем преобразовалась в жизнь монастырскую. Так же точно естественным и незаметным путем устраивалась жизнь честного вдовства, например, жизнь царевен. Не первая и не последняя была Федосья Прокофьевна, устроивши свой дом по-монастырски. Таков был господствующий идеал для женской личности, свободной от супружества³.

Боярыня Морозова строго исполняла посты и правила церковные и келейные; этого не оставляла она и на «верху», то есть в тереме царицы и царевен.

Сестры «тишайшего» царя Алексея Михайловича вели жизнь тоже монастырскую, келейную.

«Утром после *правил* и книжного чтения, – пишет Забелин, – обыкновенно святого жития на тот день или поучительного слова, боярыня (Морозова) занималась домашними делами, рассуждая домочадцев и деревенские крестьянские нужды, заботясь об исправлении крестьянском, иных жезлом наказуя, а иных любовью и милостью привлекая на дело Господне. Это продолжалось до девятого часу дня и больше, то есть до полудня и больше по нашему счету. Остальное время посвящалось добрым, богоугодным делам, в числе которых первое и самое важное место принадлежало делам милосердия».

Большой терем боярыни Морозовой был переполнен

³ Ив. Забелин.

убогими, калеками, старцами, старицами, юродивыми и странниками. Федосья Прокофьевна придерживалась «Домостроя», который так поучает:

«Церковников и нищих, и маломощных, и бедных, и скорбных, и странных пришельцев призывай в дом свой и по силе накорми и напои и в дому, и в торгу, и на пути: тою бо очищаются греси, те бо ходатаи Богу о гресех наших».

Не отказывала боярыня Морозова в приюте и пище выгнанным из монастырей монахам и монашенкам: она любила «мнишеский чин» и «странных пришлецов».

Нередко Федосья Прокофьевна сама прислуживала, кормила и поила из своих рук калек, убогих и другой странный народ. Дом ее был открыт юродивым, и нищим, и сиротам, и убогим, и странникам, которые «невозбранно в ее лежницах обитали и с нею ели с одного блюда».

Из числа юродивых особенной честью и уважением пользовались у боярыни Морозовой юродивые Федор и Киприан; оба они были рьяными ревнителями древнего благочестия.

Федор и летом и зимой ходил в одной рубахе, босой, с непокрытой головой.

Аввакум о нем так рассказывает: «Много добрых людей знаю, а не видал такого подвижника: зело у него во Христа вера горяча была. Не в баснях проходил подвиг... много час-другой полежит да и встанет, тысячу поклонов отбросает да сядет на полу, а иное – стоя часа с три плачет».

Федора как распространителя старой веры отдали под на-

чало рязанскому архиепископу Илариону, но оттуда он бежал и нашел себе пристанище у добросердечной боярыни Морозовой. О своем побеге Федор рассказал Аввакуму и боярыне Морозовой, облакая побег в форму чуда, так:

– В Рязани, на дворе у архиепископа Илариона, меня жестоко мучили, боярыня милостивая! Били плетью меня нещадно всякий день и скованного в железа держали, принуждая к новому антихристову таинству. И я уже изнемог. В нощи моляся, плачу, говорю: «Господи, аще не избавишь мя, осквернят меня и погибну, что тогда мне сотворишь?» И вдруг железа все грянули с меня, а дверь отперлась и отворилась сама. Я, Богу поклонясь, и пошел. К воротам пришел – и ворота отворены. Я по большой дороге к Москве напрямик...

Федора впоследствии сослали на Мезень.

А другой юродивый, Киприан, известен был даже самому государю и бывал во дворце и в теремах. Он не раз просил царя Алексея Михайловича о восстановлении древнего благочестия. Киприан свободно ходил по улицам, по площадям и торжищам и, нисколько не боясь, громко обличал новизны патриарха Никона.

Под конец он был сослан в Пустозерский острог и там казнен за свое упорство. Старообрядцы причислили Киприана, так же как и Федора, к лику своих святых страстотерпцев.

Боярыня Морозова, окружая себя «борцами за старую веру», которых преданность и усердие к старообрядчеству до-

шли до фанатизма, разумеется, сама сделалась их последовательницей. В наставницы, или в руководительницы, к ней приставлена была монахом-старообрядцем Трифилием, удаленным из Симонова монастыря, инокиня Меланья.

– Тверда ли ты в вере? – спросил как-то у боярыни Морозовой монах Трифилий.

– Не знаю, отче, как и ответить. Я смиренно прошу твоих молитв! Да укрепит и утвердит меня Господь в нашей правой вере!

– Я и то, боярыня, молюсь за тебя.

– Молись, отче, молись, о том прошу усердно.

При этих словах Федосья Прокофьевна чуть не до земли поклонилась старообрядцу.

– А хочешь ли я дам тебе в наставницы едину благоговеющую инокиню Меланью?

– О том прошу, отче.

– Добродетелями Меланья вельми преукрашена.

– Приведи ее ко мне, отче Трифилий, пожалуйста, приведи!

– Ладно, приведу... А что, боярыня, ясти и питие для меня, многогрешного, приготовлено ли? – нахально спросил Трифилий, меняя разговор.

– Как же, отче, как же... Я ждала твоего прихода и закусточку велела сготовить...

– Какую?

– Балык осетровый, белуга, белорыбица, осетрина развар-

ная... икорка... Приготовлены и грибки белые, и рыжики, и пирог с рыбной начинкой, пирог на меду с яблоками... оладьи с вареньем...

– Изрядно!.. А питье уготовила еси?

– Как же... Много настоек разных приказала на стол поставить, также и вина заморского, браги хмелевой и меду янтарного... Все приготовлено.

– Изрядно!.. За сие хвала тебе, вдова честная, Федосья Прокофьевна!

Трифилій, в сопровождении радушной хозяйки боярыни, отправился в расписную столовую палату, где был накрыт обильный разными закусками и винами стол.

Из-за стола монах-старообрядец не мог уже выйти: он изрядно поусердствовал около вин и браги, ноги отказывались ему служить. Трифилия слуги боярыни Морозовой бережно вынесли из столовой в сад проветриться и положили его в беседке на мягком пуховике.

Федосья Прокофьевна так возлюбила инокиню Меланью, что никогда с ней не расставалась, избрала ее себе в наставницы, с иноческим смирением отдалась ей под начало и до самой смерти ни в чем не ослушалась ее повелений. Эта старообрядка Меланья скоро забрала весь терем Морозовой под свое начало и повелевала всем как хотела.

Глава VIII

– Боярыня, тебя спрашивают! – заявила Федосье Прокофьевне вошедшая прислужница.

– Кто?

– Не знаю, боярыня, какой-то незнакомец.

– Что ему нужно?

– И про то, государыня, не ведаю.

– Скажи, чтобы зашел в другое время, теперь мне недосуг.

– Уж я ему говорила.

– Ну и что же?

– Не уходит! Поди, говорит, доложи боярыне.

– Какой назойливый! Кто бы это был?.. Ин пусть войдет...

– Слушаю, государыня.

Спустя немного времени в горницу вошел красивый, статный мужчина с окладистой черной бородой; на нем был надет кафтан стрелецкого полковника.

При взгляде на него боярыня Морозова вспыхнула и опустила глаза. Она узнала гостя, да и нетрудно было узнать Владимира Пушкарева – это был он. Стрелец мало переменился за десять лет, разве только похорошел еще более и возмужал.

Более десяти лет прошло, как они не видали друг друга. Все это время молодой Пушкарев провел со своим стрелецким полком на рубеже Литвы. Его за верную службу давно уже произвели в полковники.

Пушкарев, проведая, что боярыня Морозова овдовела, поспешил в Москву. Ему так хотелось повидаться с Федосьей Прокофьевной, он все еще продолжал ее любить!

– Здравствуй, боярыня Федосья Прокофьевна, – приветливо поклонившись Морозовой, проговорил молодой полковник.

– Здравствуй, – тихо ответила ему на приветствие Морозова.

– Узнала ли меня, боярыня?

– Как не узнать...

– А если узнала, что неласково встречаешь?

– Уж как умею, не взыщи.

– Боярыня Федосья Прокофьевна, ты ли это?

– Чай, видишь, знаешь...

– Может, приход мой не в пору? А не в пору гость – хуже татарина.

– Нет, рада твоему приходу... Садись, гостем будешь...

– Спасибо, боярыня. Не такой я встречи ожидал, – задумчиво проговорил молодой полковник, садясь к столу.

– Давно ли прибыл? – после некоторого молчания спросила у него боярыня Морозова.

– Только вчера, – хмуро ответил ей Владимир Пушкарев.

– Чем прикажешь, гость дорогой, угощать, чем потчевать?

– Не хлопочи, боярыня, ничего мне не надо...

– Как хочешь. Потчевать велено, а неволить грех.

– Эх, Федосья Прокофьевна. Забыла ты меня, совсем за-

была, – с легким упреком промолвил Пушкарев.

– А ты? Разве все помнишь? – поднимая свои красивые глаза на гостя-полковника, тихо спросила у него молодая вдова.

– Все помню!.. Ни на одну минуту не забывал тебя, боярыня, всегда была ты со мной... в моих мыслях...

– Напрасно думал... грешил... Я замужняя жена, у меня был муж.

– А теперь его нет.

– Господь призвал к себе моего мужа.

– Теперь, боярыня, ты свободна, вольна любить кого хочешь.

– Прошла моя пора любить. Не о том мне надо думать...

– О чем же?

– Как душу свою спасти... вот вся дума моя, все мечты мои.

– Ты для этой думы молода еще, Федосья Прокофьевна.

– Какой молода... Я совсем старуха, у меня уж сын большой.

– А я, боярыня, знаешь, с каким словом к тебе пришел? – после некоторого молчания как-то робко промолвил Владимир Пушкарев.

– С каким?

– Уж, право, не знаю, как и говорить.

– Говори, послушаю...

– Боюсь – ругать начнешь!

– Что ты, господин, разве гостей ругают! Гостю честь – свят обычай.

– Шел я к тебе, Федосья Прокофьевна, и думал: теперь-де пора моего счастья настала, боярыня овдовела, она свободна, стану просить ее, чтобы ради нашей прежней любви взяла меня к себе в мужа, – не переводя духа, скоро проговорил молодой полковник, не спуская своих глаз с боярыни.

Если бы вдова Морозова встретилась с его глазами, то прочла бы в них глубокую к себе любовь, сердечную.

Владимир Пушкарев говорил правду. Он не переставал любить Морозову, он жил ею одной и ждал долгие годы того времени, когда Федосья Прокофьевна станет свободной.

– Вот ты с чем ко мне пожаловал. Не знала я... – задумчиво проговорила вдова-боярыня.

– Что скажешь, боярыня, как посудишь?

– Что сказать? Разве ты не знаешь, что я живу теперь не для мира...

– Как, боярыня?

– Я давно уже умерла для мирской жизни. Перед тобой не боярыня Морозова, а смиренная инокиня Феодора, – чуть слышно сказала Морозова.

Боярыня была пострижена по усиленной ее просьбе в иночество старообрядцем, бывшим тихвинским игуменом Досифеем, наречена Феодорой и отдана в послушание старообрядке Меланье. Желая принять ангельский образ, Федосья Прокофьевна надела на себя власяницу.

«Под одеянием ношаше на срачице, устроена от скота власов белых кратко рукава», – как говорит древний писатель ее жития.

Во дворце об этом, разумеется, никто ничего не знал.

– Что говоришь, боярыня! – с ужасом воскликнул Владимир Пушкарев.

– Как брату, как другу открыла я тебе свою тайну... Знаю, меня ты не выдашь... – сказала Пушкареву боярыня Морозова, кладя ему на плечо руку.

– Не скажу! Под пыткой не дознаются у меня о твоей тайне. Только зачем ты, Федосья Прокофьевна, сделала это? Зачем постриг приняла?..

– Затем, чтобы спастись! В миру нет спасения... настало время антихристово... Скоро, скоро вострубит труба архангела, и восстанут живые и мертвые из гробов... всяк предстанет перед судилищем Христовым... со своими делами... Если ты, господин, хочешь спастись, то беги, беги скорее! – с волнением проговорила Федосья Прокофьевна.

– Куда, зачем? – с недоумением спросил у нее молодой полковник.

– В леса непроходимые, в дебри, в глушь... Туда бегут ревнители благочестия, там, в лесах и дебрях, будут скиты строить – души спасать... Ведь ты никонианин, молишься по новым книгам, а знаешь ты, кто Никон?

– Как не знать.

– Он слуга антихриста. Иди к нам! В новой церкви не спа-

сешься, а погибнешь! Спасение у нас, у старообрядцев. По старым книгам и угодники спасались...

– Боярыня, так ты старообрядка? – с удивлением и жалостью спросил у Морозовой стрелецкий полковник.

– За правую, старую веру я хоть сейчас готова пострадать, муку принять... Прости покуда, гость дорогой, настало время – келейное правило указывает мне класть земные поклоны... Приходи в другое время. Прощай!..

Проговорив эти слова, Федосья Прокофьевна встала и отправилась в образную, где ждала ее Меланья с пятью сестрами, то есть инокинями.

Глава IX

Старик Пушкарев встретил сына с распростертыми объятиями. Он чуть не плакал от радости. Владимир Пушкарев тоже был рад свиданию с отцом. Когда первый порыв радости прошел, Иван Михайлович обратился к сыну с таким вопросом:

– Чай, ты женился, сынок, живучи у рубежа?

– Нет, батюшка, если бы я женился, ты про то знал бы...

– Неужели все холостой?

– Холостой.

– Да тебе ведь уже больше трех десятков лет – время бы и жениться.

– Видно, моя пора еще не пришла, – с горькой улыбкой промолвил Владимир Пушкарев.

– Когда же пора придет?

– Никогда... Так и умру холостяком...

– Что ты, сынок, что ты! Ведь ты у меня один. Я думал-гадавал внучат дожидаться, а ты... Нет, я женю тебя. Я найду тебе суженую красивую, богатую.

– Напрасный труд, батюшка, ни на ком я не женюсь.

– Да что ты?

– Прошла моя пора, жениться теперь поздно.

– Много старше тебя, сынок, женятся.

– Пусть женятся, только я-то не женюсь.

Старик Пушкарёв больше не возражал сыну. Он стал обдумывать, на ком бы его женить, какую невесту подыскать для Владимира.

Молодой Пушкарёв был страстным охотником, он все свое свободное от служебных занятий время отдавал охоте. Живя у отца, в усадьбе, ему было где поохотиться. Вотчина Пушкарёва, как мы уже сказали, была окружена огромными непроходимыми лесами, в которых всякого зверя водилось множество. Уходил на охоту Владимир Пушкарёв ранним утром, а возвращался поздним вечером. Ходил он не один, а всегда брал с собой дворового мужика Власа, тоже записного охотника. Мужик Влас был лет сорока, обладал необыкновенной силой, с виду это был богатырь. Не раз, вооруженный рогатиной и острым топором, ходил он на медведя, а волков бил из ружья десятками. Влас был тоже старый холостяк, он презирал и ненавидел «бабье сословие».

За что Влас так недружелюбно относился к женщинам? В молодости он влюбился в какую-то деревенскую красавицу, но та предпочла Власу другого красивого парня, за которого и вышла замуж. С того раза Влас возненавидел женщин и остался холостяком. Влас привязался к своему молодому господину и всегда с радостью сопровождал его на охоту.

Однажды Влас выследил большого медведя и сказал о том молодому Пушкарёву.

– Неужели? Где? – обрадовался Владимир.

– Да недалече от проходной дороги. На луговине в берлоге

сидит косматый...

– Что ж, возьмем на подмогу людей и пойдем.

– Зачем нам народ? Я и один на медведя ходил.

– Один на медведя? – удивился молодой Пушкарев.

– А что же? Была бы рогатина и топор, а то никакой медведь мне не страшен.

– Храбр же ты, Влас.

– Силой Бог не обидел.

Владимир Пушкарев и Влас разыскали берлогу медведя и подошли к ней. Им не составило большого труда выманить из берлоги зверя. Влас встретил его рогатиной, но, к несчастью, рогатина у него переломилась. Медведь со страшным ревом ринулся, и отважному охотнику пришлось бы плохо, если бы молодой Пушкарев метким выстрелом не убил наповал разъяренного зверя.

– Бояринушка, родной, ведь ты мне спас жизнь! Если бы не ты, медведь смял бы меня насмерть! – со слезами благодарности проговорил Влас, кланяясь в ноги Владимиру.

– Полно! Всякий бы на моем месте то же сделал.

– Нет, бояринушка, этого я вовек не позабуду, и если потребуется тебе для услуги моя жизнь, то я с радостью ее тебе отдам.

С этого дня Влас еще больше привязался к своему молодому господину, полюбив его. Парень-силач готов был для Владимира Пушкарева в огонь и в воду.

Глава X

Как-то однажды Власа не было дома – Иван Михайлович услал его по делам в город, – и молодому Пушкареву пришлось на охоту идти одному. Не зная дороги в лесу, он заблудился и зашел в такую тущобу, что выйти из нее никак не мог. Владимир проплутал по лесу несколько часов, тщетно отыскивая дорогу, которая привела бы его в усадьбу. Измученный, усталый, он бросился на траву под развесистым деревом и крепко заснул.

Когда Пушкарев проснулся, было уже почти темно. Он пошел наугад по извилистой тропинке, которая его привела на поляну, окруженную с всех сторон вековым лесом. На поляне молодой Пушкарев увидел какую-то странную стройку, которая состояла из большой брусняной избы с водруженным на крыше восьмиконечным крестом; около большой избы ютилось несколько малых изб; далее за избами находились службы: сараи, погреба и т. д. Все эти постройки обнесены были высоким тыном с заостренными кверху концами. Посреди тына, или забора, находились дубовые ворота; на перекладине над воротами тоже стоял восьмиконечный крест.

«Куда это я зашел? Что это?» – думал Владимир, с удивлением посматривая на постройки.

Кругом было полнейшее безмолвие, как будто все замер-

ло, застыло. И на дворе, и в этих избах не видно и не слышно было никакой человеческой жизни!

«Чудно... Больно чудно... Куда это я пришел? Ни огонька нигде не видно, ни голоса человеческого не слышно... Может, тут никто и не живет? Попробую постучать в ворота».

Пушкарев подошел к воротам и постучал в них. На стук молодого Пушкарева никто не откликнулся. Тогда он принялся руками и ногами барабанить в дубовые ворота. И на этот раз никто не отпер ворот и не спросил, что ему надо.

«Видно, здесь никто не живет... Но как же ворота... Ведь они заперты со двора», – раздумывал Владимир, похаживая около ворот и забора.

В нескольких шагах от тына росла суковатая береза. Пушкареву пришла мысль влезть на березу и осмотреть внутренность двора. Он забрался на самую маковку дерева и стал оттуда наблюдать. Ему видно было, что на дворе около ворот стоят двое каких-то стариков с длинными, окладистыми бородами, в черных кафтанах старинного покроя, похожих на монашеские подрясники. Старики, очевидно, о чем-то говорили между собой, но говорили так тихо, что Пушкарев не мог разобрать и расслышать ни одного слова. У одного старика в руках была толстая дубина, у другого – топор. Потом один из стариков подошел к висевшей на дворе между двумя деревьями доске вроде била и стал колотить в доску дубинкой. В окнах, сквозь пузыри, заменяющие стекла, замелькали огоньки. Владимиру с березы видно было, как на дво-

ре появились какие-то люди, одетые по-монашески. Все они спешили к одной большой избе. Теперь молодому Пушкареву нетрудно было догадаться, что он находился в нескольких шагах от раскольнического скита.

Люди, преданные старине, старым порядкам, не признающие церковных нововведений, убегали в то время в леса непроходимые, в самые дебри, строили там часовни, моленные и церкви, а также и жилища для себя. Так образовались раскольнические скиты и монастыри. Отыскать такие скиты или добраться до них не совсем легко, так что поборники старой веры свободно могли жить в своих скитах, исполнять богослужения по старопечатным книгам, не боясь преследования. Так как недовольных новшествами год от году становилось все больше и больше, то и скиты быстро наполнялись раскольниками. Хлеба и других съестных припасов было заготовлено в скитах очень много.

Пушкарев, в полной уверенности, что теперь ему отпрут ворота и укажут дорогу, спустился с дерева и опять принялся стучать. Он не обманулся.

- Кто стучит? – слышался недовольный голос со двора.
- Заблудившийся путник, – отвечал Владимир Пушкарев.
- Что же тебе надо?
- Укажите мне дорогу, чтобы я мог пройти.
- Куда?
- В Лихоборы, я оттуда. Отопри ворота, добрый человек.
- А ты один?

– Одинешенек.

– Не врешь? – продолжал спрашивать у Пушкарева кто-то со двора.

– Зачем врать? Сам увидишь.

– Ин ладно, отопру.

Загремел засов, и калитка у ворот отворилась. В отворенной калитке появился плечистый старик большого роста с дубиной в руках.

– Э, да ты с оружием! Если хочешь войти в нашу святую обитель, то оставь свое оружие и дреколье у ворот! – повелительно проговорил Владимиру старик.

– Нет, зачем же?..

– Тогда не войдешь в обитель...

– Быть в вашей обители я не имею нужды.

– А зачем же ты пришел?

– Спросить про дорогу, я, кажется, о том уже тебе, старик, говорил.

– Ты хочешь, чтобы мы тебе показали путь?

– Да, да!

– Ладно, путь и истину мы тебе покажем, только брось, говорю, ружье.

– Не брошу! – возразил старику Пушкарев.

– А ты не супротивничай, если к нам пришел, – сердито проговорил старик.

Он с силой вырвал у Владимира ружье, а его самого впахнул во двор, захлопнул за ним калитку и запер.

Пушкарев, удивленный таким бесцеремонным приемом, хотел было броситься на старика, но тот замахнулся на него своей страшной дубиной. На подмогу старику вышли на двор еще двое сильных мужиков и схватили Владимира сзади за руки. Это заставило его невольно смириться и покориться силе.

Мужики потащили молодого Пушкарева на заднюю половину двора. Там находилась изба без окон с одной дверью. В ней в углу брошен был сноп соломы, стояло деревянное ведро с водой и лежала краюха черствого, покрытого плесенью хлеба.

Изба эта, вероятно, служила местом исправления провинившихся. Сюда-то привели и впахнули бедного Пушкарева. Дверь за ним захлопнули и заперли на замок. Он очутился в совершенном мраке. Дневной свет в эту избу ниоткуда не проникал; как ночью, так и днем в ней была непроглядная тьма. Нечего и говорить, что Пушкарев провел всю ночь без сна; он был хоть и не робок, но все же находился в самом тревожном настроении. Куда он попал? Что ждет его впереди? Зачем его заперли в темную избу? Такие вопросы задавал себе стрелецкий полковник.

Ранним утром к нему пришел тот же самый старик, который отпер калитку.

Утро было ясное, солнечное, и целый сноп света ворвался в отворенную дверь и ослепил Пушкарева.

– Пойдем! – грубо проговорил старик.

– Куда? – спросил его Владимир.

– Куда поведу.

Пушкарев встал и пошел за стариком. Тот привел его в просторную и чистую избу; там за столом в переднем углу сидел какой-то старик с длинной белой как лунь бородой и такими же волосами на голове. Волосы у старика спереди были выстрижены, как обыкновенно выстригают старообрядцы. На нем была монашеская ряса, на голове какой-то шлык вроде скуфьи, а в руках ременная лестовка. Лицо у старика было сухое, безжизненное, взгляд холодный, бесчувственный.

Когда Владимир вошел в избу, сопровождавший его старик схватил сильной рукой за шею стрелецкого полковника и, пригнув, грубо проговорил:

– Кланяйся батюшке!

– Ты кто? – спросил его старик, сидевший в переднем углу.

– Стрелецкий полковник.

– Звать тебя как, как твое прозвище? Отвечай!

Пушкарев назвал себя.

– Теперь поведай, зачем ты в нашу святую обитель зашел?

– Я заблудился в этом лесу и ненароком подошел к вашему скиту.

– Облыжно не говори! Я знаю, кто ты – ты соглядатай, тебя нарочно к нам подослали! – сверкая глазами, сердито крикнул на Пушкарева старик, очевидно набольший или игумен

у старообрядцев.

– Я царский слуга! – в свою очередь крикнул на старика Пушкарев. – Ты должен меня немедленно отсюда выпустить и дать мне провожатого.

– Этому не бывать!..

– Как?

– Да так... Отсюда ты не выйдешь!

– Что же... или вы жизни меня лишите?

– И лишим, если ты не пристанешь к нашей святой церкви! Ведь ты никонианин?

– Ты, видно, старик, задумал силой привести меня в свою ересь? – с негодованием спросил у старообрядца стрелецкий полковник.

– Не моги так говорить! Ересь у вас, а не у нас!

– Ты жестоко поплатишься, если станешь держать меня здесь, в этой трущобе!

– Ты выйдешь из наших стен только тогда, когда пристанешь к нашей святой вере и дашь страшную клятву быть ее верным сыном...

– Никогда! Никогда не бывать тому!

– За упорство ты умрешь мучительной смертью. Даю тебе три дня на размышление. Уведи его! – повелительно проговорил набольший старообрядцев, обращаясь к старику и показывая ему на Пушкарева.

Старик раскольник схватил сильной рукой за шиворот Владимира.

– Я так пойду, руками не моги меня трогать! – отпихнув старика, крикнул на него Пушкарев.

– Ты не супротивничай, не то связать прикажу, – строго заметил ему раскольничий игумен.

– Я не холоп, а дворянин и царский слуга, за меня ты ответишь великому государю! – пригрозил он раскольнику.

– До государя-то далеко, а ты в наших руках, и что мы хотим, то мы с тобой и сделаем. Вот даю тебе три дня на размышление: удумаешь принять наш закон – благо тебе будет, а если станешь супротивничать – умрешь! – сурово проговорил Пушкареву раскольник и махнул рукой, чтобы его увели.

Стрелецкий полковник беспрекословно повиновался.

Глава XI

Наконец стал известен и во дворце взгляд именитой боярыни Морозовой на новшества, которые были вводимы в Москве и во всей России. Ратуя за истину, Морозова очень горячо принимала тогдашние вопросы дня, эти размышления общества о перестановке на новый лад старых обычаев и привычных порядков, и везде – и у себя дома при гостях, и на беседах, где сама бывала, – крепко отстаивала старину. Прежде всего, конечно, обсуждения этих вопросов открывались между родственниками⁴.

Боярыне Морозовой не составило большого труда убедить в своих мыслях родную сестру Евдокию Прокофьевну, жену князя Петра Семеновича Урусова, царского кравчего, тоже духовную дочь Аввакума. Она совершенно отстала от православной церкви и подпала под влияние Аввакума.

Боярыня Морозова и княгиня Урусова жили между собой очень дружно, как бы «во двоя телесех едина душа», и обе находились в полном повиновении и послушании у Меланьи, умоляя ее, чтобы та позаботилась о спасении их душ. Теперь уже Федосья Прокофьевна не тайно, а явно стала хвалить старую веру и поносить новые порядки, вводимые в церкви патриархом Никоном. Это дошло до царя Алексея Михайловича, но первое время государь не обращал особого внима-

⁴ Ив. Забелин.

ния и ничем не преследовала боярыню Морозову. Она по-прежнему была чуть не первой боярыней при царице. Но когда Федосья Прокофьевна свой терем обратила в пристанище для разных пройдох и последователей старой веры, тогда государь для вразумления боярыни Морозовой прислал к ней своего приближенного, Михаила Алексеевича Ртищева, который приходился Федосье Прокофьевне родным дядей. Соковнины и Ртищевы была между собой в близком родстве, но, несмотря на это, они имели совершенно различные взгляды: Ртищевы стояли за Никона, покровительствовали киевским ученым, то есть вообще науке. Они были ближе к царю, который стремился исправить и украсить жизнь по новым образцам. Соковнины стояли за Аввакума, за старое благочестие, потому что ближе были к царице, в быту которой знали только одни старые уставы и потому крепко за них держались.

– Здорово, племяннушка, – сухо проговорил старик Ртищев, входя к ней в горницу.

– Здравствуй, дядя... Насилу ты надумал навестить меня, вдову убогую.

– И теперь пришел не по своей воле...

– Как?

– Государь прислал меня к тебе.

– Зачем?

– Для вразумления. Заблудилась ты, племяннушка, пошла не по той дороге, по которой следовало бы тебе идти, выбра-

ла ты, сердечная, ложный путь.

– Дядя, я не понимаю...

– Во что ты свой терем обратила? В вертеп, в пристанище для бродяг, воров, расстриг и разной дряни...

– Ошибаешься, дядя, мой вдовый терем – пристанище для божьих людей, последователей старого закона, старой веры, а не для воров и расстриг! – вспыхнув от негодования, проговорила Федосья Прокофьевна.

– Ох, племяннушка, по ложному пути пошла...

– Нет, дядя, не я, а ты и все вы идете по ложному, греховному пути... Вы прельщены врагом рода человеческого, во тьме ходите... не имеете света...

– Великий государь на тебя изволит гневаться.

– На то его царская воля.

– Зачем от нас ты отлучилась, Феня?.. Ты, верно, совсем забыла, что у тебя есть сын...

– Нет, дядя, Ванюшу я не забыла... Какая мать забудет свое родное детище!

– Так зачем же зла ему желать?

– Я желаю сыну зла? Я... да что ты, дядюшка!

– Тебя постигнет царский гнев, царская опала! В ту пору, думаешь, твоему сыну легко будет? Легко его младенческой душе переносить твой позор и унижение?

– Господь его не оставит.

– Если ты себя не жалеешь, то хоть сына пожалей...

Оставь распрю, не прекословь ты великому государю и вла-

стям духовным, оставь заблуждение. Не то ждет тебя, племяннушка, царская кара.

– Умела я, дядя, пользоваться царской милостью, приму без ропота и гнев царя.

– Знаю я, Федосья, кто погубил тебя и прельстил, – это Аввакум. Он домашний твой враг, а ты того еще не признаешь, – сердито проговорил боярин Ртищев.

– Нет, дядя, ты не так говоришь, сладкое горьким называешь. Отец Аввакум – истинный ученик Христов, потому страждет он за правду ради Христова имени, и кто хочет спастись и угодить Богу, должен слушать его учения.

– Это Аввакумовы-то учения слушать? – с негодованием спросил Ртищев.

– Да, дяденька, он есть истинный пастырь, – с уверенностью проговорила боярыня Морозова.

– Еретик он!

– Полно, дядя.

– Его бы давно надо сжечь. Да и сожгут на площади как еретика и отступника, сожгут!

– Что же, батюшка Аввакум мучеником Христовым будет... страстотерпцем... потому он страждет за закон Владыки своего! – с воодушевлением промолвила Федосья Прокофьевна.

«*Страдает за закон Владыки своего* – слова, имеющие глубокий исторический смысл, – пишет Забелин. – Вот, стало быть, где должно искать главной причины ослепления

Морозовой, главнейшие причины ослепления и помрачения многих, начиная с царского дворца и до убогих крестьянских хат. И как это совпадает со всеми идеалами, какими был исполнен ум того века, какими было набито воображение людей, сколько-нибудь коснувшихся тогдашнего книжного учения. Потому что он страдает, потому что его гонят – вот мысль, которая и во всякую другую эпоху всегда возбуждает доброе сердце к сочувствию, а в старину эта мысль по многим историческим, культурным, умственным и нравственным причинам всегда неизменно привлекала к себе общее сочувствие, которое не входило в тонкое разбирательство, за какое дело кто страдает, но, видя страдание, шло за ним, относилось с милосердием ко всякому страждущему. Оттого гонимые, особенно если еще замешивалась тут какая-либо государственная или церковная тайна, всегда приобретали у нас необъяснимый успех. Идеалы же Морозовой, доведенные ее фанатизмом до своих последних выводов, должны были даже требовать именно этого последнего акта ее аскетической жизни. Все было готово в идее, оставалось только воплотить эту идею, это слово жизни в дело».

– Безумствуешь, племянница.

– Не я, а вы безумствуете, называя Аввакума еретиком. Ваш Никон еретик, – сердито сверкнув глазами, проговорила боярыня Морозова.

– Не оскорбляй, Федосья, его святости, – строго заметил ей старец боярин Ртищев. – Ох, племянница, Аввакум – зло-

дей, и твои старицы-пройдохи совсем поглотили твою душу, как птенца, отлучили тебя от нас, – с глубоким вздохом добавил он.

– Нет, дядя, я люблю тебя и других родичей и молюсь за вас Богу, за всех молюсь! Вас, ходящих во тьме, да просветит Христос светом Своим!

– Нет, племяннушка, не любишь ты нас, презираешь, да и о сыне своем не радеешь! Ведь один у тебя сын-то, а ты и на него не глядишь. А какой Ваня у тебя красавец! Ведь все, даже сам государь с государыней дивуются красе твоего сына.

– Не красота телесная нужна человеку, а красота душевная.

– Ты все свое. Знай, Федосья, за твое прекословие падет на тебя и на твой дом огнепальная ярость царева, и все твое достояние великий государь укажет в казну отписать, и делаешь ты своего сына нищим.

– На твои слова, дядя, я вот что отвечу: сына, повторяю, я люблю и молю о нем Бога непрестанно, радею о его душевной пользе. Если же вы думаете, чтобы мне от любви к Ивану душу свою погубить или, жалеючи его, отступиться от благочиния и этой руки знаменной, – при этих словах боярыня Морозова сложила по-старообрядчески на руке из пальцев крест, – то сохрани меня *Исус* Христос от этого! Как я ни люблю сына, но себя губить не стану, от веры правой не отрекусь, потому что Христа я люблю больше своего сына. Ес-

ли вы умышляете сыном меня отвлекать от Христова пути, то этого не будет! Хотите – выводите моего Ивана на площадь и отдайте его там на растерзание псам, устрашая меня и приказывая отступиться от веры... Так я скорее соглашусь видеть моего сына истерзанным псами, чем отступлюсь от старой веры.

Слыша эти слова, Ртищев ужаснулся ее твердости и много дивился такому «крепкому мужеству и непреложному разуму».

Глава XII

В своей родовой вотчине, которая прозывалась Лихоборье, безвыездно жил отец Владимира Пушкарева, старик Иван Михайлович.

В молодости он служил стольником при царе Михаиле Федоровиче и пользовался царскою милостью и расположением.

За верную службу государь пожаловал Ивану Пушкареву звание думного дворянина.

Со смертью царя Михаила Федоровича, когда на царство вступил Алексей Михайлович, новые царские приближенные и любимцы сумели оттеснить Пушкарева от двора.

Старик Пушкарев имел тихий, хороший нрав, не кривил душой и правду-матку говорил всем в глаза. С одним из царских приближенных он сильно поспорил и обозвал его лихоимцем. Это не прошло ему даром: Ивану Пушкареву заметили, что он лишний при дворе.

Он принужден был оставить службу.

Недругам Пушкарева показалось этого мало, и ему подобру-поздорову посоветовали уехать в свою усадьбу и жить там безвыездно; в противном случае угрожала ему царской опалой.

Простился Иван Михайлович с Москвой златоглавой и уехал в свое Лихоборье, которое находилось верстах в тридцати от Москвы.

цати от Нижнего Новгорода.

Усадьба, или вотчина, Ивана Пушкарева окружена была со всех сторон нескончаемым вековым лесом. Таким лесом, в котором и среди летнего солнечного дня было темно, как ночью.

Эти большие леса шли от усадьбы Пушкарева вплоть до самого города.

Иван Михайлович вел жизнь совершенно замкнутую: ни сам никуда не выезжал, ни к себе никого не принимал.

Жена у него умерла, когда его сыну Владимиру было лет восемь. Во второй раз Иван Михайлович не женился, так и остался коротать свой век вдовцом.

Сына Владимира он крепко любил, но своей любви родительской ему не показывал: воспитывал его в строгости, придерживаясь наставлений «Домостроя».

Жил Иван Михайлович по старинке, никаких новшеств он терпеть не мог.

Но во время царствования Алексея Михайловича в России, в ее внутренней жизни произошли некоторые важные перемены. Эти перемены отразились на самом народе и породили раскол.

Кроме того, с Запада стали к нам проникать некоторые обряды и обычаи. Русь стала знакомиться с просвещенным Западом.

На это косо смотрел Иван Михайлович и в своем терему не допускал никаких перемен и новшеств. Хоть и жил он в

глуши, в лесу, но и до него доходили известия про то, что делается в Москве.

Церковному изменению, которое введено было патриархом Никоном, Иван Михайлович не сочувствовал, но и к старообрядцам не приставал, а жил особняком, молился по старопечатным книгам и по старым же требникам и служебникам заставлял служить своего сельского попа Никиту.

Волей-неволей пришлось попу Никите подчиниться требованиям богатого дворянина.

Сына своего, Владимира, Иван Михайлович не готовил к придворной службе, а записал в стрельцы.

– Молод, силен – служи воином, а под старость дадут службу поспокойнее. Служи земле и государю верой и правдою. Не забывай присяги и своего долга, а забудешь, – в ту пору и я забуду, что ты мой сын, отступлюсь от тебя.

С такими словами старик Пушкарев провожал сына на рубеж в Литву ради царской службы.

Мы уже отчасти знакомы, по какой причине молодой Пушкарев оставил службу в Москве и уехал в Литву.

Про свою любовь к боярышне Федосье Соковниной отцу он ничего не сказал. Да что и говорить, когда она сговорена и обручена с другим!

После десятилетнего отсутствия Владимир Пушкарев снова вернулся в Москву уж в чине подполковника. Свою возлюбленную застал он вдовой.

Несмотря на это, она все-таки отвергла его любовь и оста-

лась по-прежнему вдовой, приняв тайный постриг по старобрядческому закону.

Владимиру Пушкареву одно осталось: ехать опять в Литву. Любовь и счастье его были разбиты.

Перед отъездом на рубеж он поехал предварительно к отцу в Лихоборье. Более десяти лет не виделся он со своим отцом.

«Поди, старик обрадуется мне, ведь давненько не виделись. Эх, горькая моя судьбина! Думал-гадал – в Москве свое счастье найду, но Бог не судил мне быть мужем Федосьи Прокофьевны! Так, видно, и скоротать мне свой век старым холостяком», – раздумывал Владимир Пушкарев дорогой в Лихоборье.

Глава XIII

Владимир Пушкарев покорился своей участи и ждал, что с ним будет.

Он не сопротивлялся, да и всякое его сопротивление ни к чему бы не привело. Пушкарев был один, а раскольников много.

О побеге ему и думать было нечего: изба, в которой он был заключен, всегда находилась под замком.

Если бы даже он и выбрался из избы, уйти со двора не было никакой возможности. Забор был очень высок, с заостренными кверху кольями, ворота день и ночь на замке, а ключи у игумена.

Угрозам игумена Пушкарев не придавал большого значения.

Он думал, что Гурий (так звали игумена у старообрядцев) только пугает его и, лишив его свободы, больше ничего не посмеет с ним сделать.

Пушкарев, пробыв еще день и ночь в избе, лишенной света и воздуха, почти без еды, несмотря на свое здоровье и молодость, сильно ослабел; голова у него кружилась, ноги отказывались служить, во всем теле он чувствовал боль, утомление.

Он сказал своему старику сторожу, что желает видеть игумена и говорить с ним.

– Что, или удумал покориться и принять нашу правую веру? – с любопытством спросил у него старик.

– Удумал, – коротко ему ответил стрелецкий полковник.

– Давно бы так.

– Что же, можно мне видеть вашего игумена?

– Можно.

– Так проводи меня к нему.

– Пойдем.

Раскольник привел молодого Пушкарева к игумену в ту же избу, в которой он был раньше.

– Что скажешь? – не совсем дружелюбно спросил Гурий у вошедшего Пушкарева.

– Я пришел тебя спросить...

– О чем?

– Скоро ли ты выпустишь меня из сарая?

– Где ты сидишь, это не сарай, а называется «домом испытаний»; туда мы сажаем провинившуюся и согрешившую братию, а также готовящихся к принятию нашей святой веры.

– Повторяю, когда же меня ты выпустишь?

– Это зависит от тебя самого...

– Как?

– Да так! Если ты удумал принять нашу правую веру, выпустим хоть нынче.

– Старообрядцем я никогда не буду.

– Ну тогда погибель тебя ждет... Так ты и будешь до самой

смерти сидеть в «доме испытаний».

– Ты не посмеешь этого сделать!

– Весь ты, говорю, в нашей власти! Что хотим, то с тобой и сделаем, – совершенно спокойно промолвил Гурий.

– Может, тебе нужны деньги? Я дам за себя выкуп.

– Денег у нас и без твоих много.

– Так что же, старик, тебе нужна моя смерть? – громко крикнул Владимир Пушкарев, выведенный из терпения спокойным тоном старика фанатика.

– Я пекусь о твоей заблудшей душе. Соединись с нами и получишь спасение...

– Пекись о себе, а не обо мне.

– Ты сам к нам пришел и просил, чтобы мы показали тебе путь.

– Я просил, чтобы показали мне дорогу, я заблудился в лесу и...

– Не в лесу ты заблудился, а в миру, и мы покажем тебе путь ко спасению, – прерывая Пушкарева, промолвил Гурий. – А знаешь ли, что ждет супротивников? – быстро спросил он.

– Что?

– Голодная смерть.

– Что же, и меня хотите уморить? – не скрывая своего ужаса, спросил стрелецкий полковник.

– А ты не упорствуй – и будешь спасен! Повторяю тебе: ни в каком случае ты из нашей обители живым не выйдешь,

если не примешь нашу веру и не соединишься с нами. Вот тебе последнее мое слово.

– Дай время мне подумать, – проговорил Пушкарев.

Он хотел выиграть время, найти случай себя спасти, убежать.

– Пожалуй, дам тебе еще три дня на размышление.

– Прикажи не запирать меня в той избе, я задыхаюсь, и не мори голодом! Я так ослаб, что едва могу ходить. Я за это заплачу. Вот возьми, тут деньги, – сказал молодой Пушкарев и положил на стол перед раскольничьим игуменом кошель с деньгами.

У Гурия разгорелись глаза при взгляде на серебряные монеты.

– Ладно. Хоть мне и не должно тебе мирволить, ослаблять наш строгий устав, но ради твоей немощи я сделаю тебе облегчение: трапезу буду присылать с моего стола и запирать тебя будем только на ночь, а днем дверь твоей кельи будет отворена. Только ты никуда не ходи, сиди в келейке смиренно, – промолвил Гурий.

Он с жадностью схватил и спрятал в свой карман кошель.

– А ты не упорствуй, ведь с нами хорошо тебе будет жить! Тепло, сытно, у нас спасешься, а в миру погибнешь, в миру несть спасения, – уже совсем ласковым голосом говорил старообрядец. – Примешь постриг, и живи себе спокойно.

– Ты отпусти меня, я дам еще денег.

– Невозможное глаголешь.

– Почему?

– А потому! Я не один, а со старцами живу. Что они скажут, если я тебя отпущу? Это у нас собор решает сообща. Да, отпустить тебя не можно! К нам пришел – будь нашим, а не то ступай в могилу. Ну, прощай, время трапезовать, и тебе сейчас обед пришлю.

Пушкарева давила мучительная тоска. Жилище его казалось ему гробом, хотя Гурий и сдержал свое слово – в продолжение дня дверь «дома испытаний» была отворена и Пушкарев мог наслаждаться воздухом сколько ему угодно.

Дверь его тюрьмы была отворена, но приставленный старик сторож не спускал с него глаз и следил за малейшим его движением.

С ним, разумеется, молодой Пушкарев мог бы сладить. Но кроме старика за Пушкаревым присматривали еще двое парней-раскольников, вооруженные толстыми дубинами.

Их Гурий дал на подмогу старику.

Таким образом, стрелецкий полковник не мог думать о сопротивлении.

Волей-неволей пришлось ему подчиниться и ждать дальнейшей своей участи.

Глава XIV

Старик Пушкарев напрасно поджидал возвращения своего сына с охоты. Наступила ночь, а Владимир все не возвращался.

Иван Михайлович стал беспокоиться.

«Уж не случилось ли какого лиха с сыном, не заблудился ли он в нашем лесу? Леса непроходимые, долго ли до греха. А может, лютый зверь напал на него? Надо послать в лес людей, может, нападут на след сына!» – так думал старик Пушкарев и не мешкая послал половину своих дворовых разыскивать Владимира.

Иван Михайлович стал с нетерпением ждать их возвращения. Вернулся из города и Влас.

– Влас, ступай и ты в лес! – обратился к нему старик Пушкарев.

– Зачем, господин?

– Искать боярича.

– Как, разве...

– Вторые сутки пошли, как он не возвращается из леса.

Пошел на охоту и пропал, – со вздохом проговорил Иван Михайлович.

За верную и преданную службу он был расположен к Власу и многим его отличал от прочих своих дворовых.

– Я побегу... я пойду, господин! Он, наверное, плуствует

в лесу дремучем, не зная дороги заблудился, – торопливо проговорил Влас.

– А может, его и в живых нет?

– Господь спасет молодого боярича! Я побегу, господин.

– Ступай, Влас, ступай. Помоги тебе Бог! Разыщешь сына

– награду получишь.

Влас вооружился ружьем, взял в руки толстую палку и отправился в лес разыскивать молодого Пушкарева. По дороге ему попались возвращавшиеся из лесу другие дворовые. Их тщательные поиски ни к чему не привели. Они обшарили почти весь лес, но до раскольничьего скита не дошли.

Скит, где игуменствовал Гурий, находился верстах в двадцати от Лихоборья, то есть от усадьбы Ивана Михайловича Пушкарева. К нему, окруженному вековыми деревьями, трудно было пробраться.

Влас дал себе слово найти стрелецкого полковника живым или мертвым. Все лесные дороги и тропинки были опытному охотнику хорошо известны; он заходил в самые чащи, кликал Пушкарева, осматривал кусты, думая, не лежит ли где под кустом его молодой господин.

Но все было тщетно – Пушкарев как в воду канул.

Незаметно в поисках Влас прошел несколько верст.

Как ни длинен был летний день, а стал клониться к вечеру.

В густом лесу было почти темно. Влас устал, его стали морить голод и жажда.

Свой голод он утолил, потому что был запаслив и захватил

с собой на дорогу съестного. Но воды не было, и взять ее негде было. Ему пришлось искать в лесу родник или ключ.

Блуждая по лесу, Влас совершенно случайно наткнулся на высокого и худого как скелет старика с суровым лицом, с глазами, сверкавшими и хитростью, и силой воли.

На старике надета была поповская ряска, голова покрыта скуфейкой, в одной руке у него была суковатая палка, а в другой – лестовка.

– Добрый путь, отче, – проговорил Влас, кланяясь старику.

Старик в поповской ряске шел задумчиво, опираясь на палку. Он, очевидно, не ожидал встречи, и на его сухом лице появился не то испуг, не то удивление.

– Я, кажись, напугал тебя, отче? Прости, Христа ради, – с низким поклоном проговорил Влас.

– Нет, ты не волк, чего бояться!

– Благослови, отче.

Молодой парень сложил руки, желая принять благословение у старика в поповской ряске.

– Постой, постой...

Старик отстранил его руки.

– Как, разве ты не поп? – спросил у него Влас.

– По милости Господней я есмь недостойный иерей. Только прежде чем благословить тебя, молви мне: как веруешь? Как знаменуешь себя крестом? – пронизывая своим взглядом Власа, спросил у него старик.

– Как все, так и я, – не понимая вопроса, ответил парень, с удивлением посматривая на старика.

– Покажи, как крестишься!

Влас сложил на руке крест по-православному, то есть в трехперстное сложение.

– Никонианин! – с ужасом воскликнул старик и отбежал от Власа.

– Чего?..

Влас был мужик совершенно безграмотный и чуждый всяких споров о преимуществах старой веры; крестился он так, как научили его крестные отец с матерью; для него не составляло важности различие икон старого письма от новых.

Слышал он, что на Руси появился раскол, что нашлось много людей, недовольных нововведениями патриарха Никона, но и только. В чем состоял раскол, он не знал и не понимал.

Старик Пушкарев хоть и придерживался старины и косо смотрел на новшества, но к старообрядцам не пристал, и его дворовые могли молиться как хотели, то есть двухперстным и трехперстным сложением креста.

– Ты отступник! – кричал на Власа старик старообрядец.

– Отступник?.. Ну, отче, уж это ты врешь. Я не отступник, а такой же крещеный, как и ты, – обиделся мужик.

– А зачем так крестишься?

– Как же мне креститься?

– Смотри – вот истинный крест!

Старик сложил крест по-старообрядчески.

– Сим крестом знаменуй себя – и спасен будешь!

– Меня батька с мамкой научили так молиться с малых лет, так я и молюсь доселе.

– Молитва твоя Богом не примется.

– Я ведь неграмотный, Бог с меня не взыщет. Скажи, отче, не попадался ли тебе мой боярич? – меняя разговор, спросил Влас у Аввакума (это был он).

А как Аввакум очутился в лесу недалеко от усадьбы Пушкирева? Он как глава раскола был сослан в дальнюю ссылку, но у него при дворе государевом нашлись доброжелатели, которые и выпросили у государя ему помилование и разрешение жить в Москве.

Глава XV

Возвращаясь из ссылки, Аввакум захотел побывать в скиту, где начальствовал Гурий, его приятель, один из самых закаленных его учеников и последователей.

Дорогу по лесу, очевидно, он знал хорошо и, не доходя несколько шагов до скита, повстречался с дворовым мужиком Власом.

– Так как же, отче? Не попадался ли тебе навстречу мой боярич, стрелецкий полковник? – спросил еще раз у Аввакума Влас.

– Нет, мне никто не попадался, – хмуро ответил ему глава раскола.

– Беда, да и только! Вторые сутки пошли, как боярич не возвращается.

– А как его звать?

– Владимир Иваныч Пушкарев прозывается.

– Как? Владимир Пушкарев? – переспросил Аввакум.

– Да, да...

– Твоего боярича я давно знаю...

– Неужели, отче, знаешь? – обрадовался мужик, не зная сам, чему обрадовался.

– Знаю... парень он хороший... Только никонианин... вот что плохо... По ложному пути идет... А ложный путь ведет к гибели...

Аввакум знал Владимира Пушкарева, когда он жил в Москве и был еще стрелецким сотенным. Молодой Пушкарев часто ходил в тот приход, где Аввакум священствовал, и познакомился с ним, даже бывал у Аввакума в гостях и подолгу с ним беседовал.

– Как же боярич Пушкарев очутился в этом лесу? – спросил Аввакум у Власа.

– У его отца близко отсюда есть вотчина, прозывается Лихоборьем. Боярич-то и приехал погостить, значит, – пояснил Влас. – А ты, отче, куда пробираешься? – спросил он у Аввакума.

– Обитель тут есть близко... скит. Туда иду.

– Отче, а как звать-то тебя?

– Аввакумом.

– Возьми меня, отче, с собой в скит. Скоро ночь, а к ночи домой мне не вернуться. Право, возьми!

– Не должно входить тебе в нашу обитель, ты никонианин.

– Возьми, отче, я в скиту-то поспрошаю про боярича. Может, монахи его где видали?

– Ну, пожалуй, пойдем, – несколько подумав, сказал Аввакум.

– А далеко, отче Аввакум, идти?

– Недалече.

– Я и не знал, что здесь есть обитель. Видно, недавно построили?

– Недавно.

– А пустят меня туда?

– Пустят.

– Переночую, а ранним утром опять за поиски!

Аввакум шел молча, наклонив голову и опираясь на палку; он о чем-то думал.

Влас несколько раз с ним заговаривал, но глава раскола отвечал неохотно и коротко.

Было уже совсем темно, когда подошли они к воротам раскольничьего скита, где игуменствовал Гурий.

Ворота были заперты.

Аввакум шибко постучал три раза.

К воротам подошел сторож и спросил:

– Кто стучит?

Аввакум ответил ему каким-то изречением Священного Писания.

Калитка у ворот быстро отворилась. Сторож-раскольник встретил его земным поклоном и принял благословение.

Аввакум истово его благословил и спросил:

– Что игумен?

– Отошел ко сну, отче. Прикажешь разбудить?

– Не надо. Чай, скоро утренняя?

– Скоро, святой отче. Всего два часа до утрени осталось.

– На время дай пристанище этому мужику, – повелительно сказал Аввакум сторожу-раскольнику, показывая на Власа.

– А он из наших?

– Не спрашивать, а исполнять твоё дело! – строго заметил ему Аввакум.

– Прости, Христа ради, святой отче.

Раскольник опять поклонился в ноги Аввакуму.

– Пусть парень переночует в твоей хибарке.

– Слушаю, святой отче. Пойдем! – обратился сторож-раскольник к Власу и ввел его в свою сторожку, показывая ему на постель.

Усталый и измученный Влас скоро захрапел богатырским сном. Он не знал, что несколько сажень отделяют его от Владимира Пушкарева, который все еще томился в тяжелом заключении.

Глава XVI

Было утро, когда проснулся Влас. Он поспешно встал и вышел из сторожки.

Солнце ярко горело на лазоревом небосклоне.

На дворе раскольничьего скита не видно было ни души.

Из большой избы, на которой был водружен восьмиконечный крест, доносилось протяжное, унылое пение.

Там происходило богослужение.

Влас от нечего делать стал бродить по монастырю.

Он подошел к той избе, где находился в заключении его молодой господин, Владимир Пушкарев. Дверь в избу была только притворена, но не заперта.

Власу хотелось узнать, что это за странная постройка без окон.

Он взялся было за скобку двери. Вдруг перед ним выросли как из-под земли двое здоровых мужиков с дубинами.

– Тебе что? – крикнул на Власа один из мужиков, отстраняя его от двери.

– Я... я посмотреть.

– Чего тебе смотреть?

– Да так.

– То-то так. Да как ты попал в нашу обитель? – сурово спросил у Власа другой мужик-раскольник.

– Я с отцом Аввакумом пришел, – не запинаясь, ответил

Влас.

– Не врешь?

– Чего врать – хоть самого Аввакума спроси.

– Коли с ним пришел – другое дело. Выходит, ты наш гость. Отца Аввакума мы все чтим и любим и Бога за него молим.

– А где же отец-то? – спросил у раскольников мужик-охотник.

– В церкви... утреню слушает.

– А для чего у вас такая чудная изба построена?

– Сюда сажают провинившуюся братию ради очищения от греха.

– А теперь кто-нибудь там есть?

– Есть.

– Кто? – расспрашивал раскольников Влас.

– Один мирянин.

– Да кто?

– Не знаю, кажись, из бояр.

«Уж не мой ли боярич угодил к раскольникам?» – подумал Влас.

– Дозволь, брат, мне на него взглянуть, – обратился он с просьбой к мужику-старообрядцу.

– Что же, взгляни, если охота, дверь не заперта.

Влас приотворил немного дверь. Крик радости и удивления вырвался у него – он увидел там Владимира Пушкарева, спавшего на соломе.

Этот крик разбудил стрелецкого полковника. Он сел и, закрыв лицо от света, тихо спросил:

– Что случилось?

– Боярич, родной, ты ли?

– Влас! – удивился молодой Пушкарев, узнав своего верного слугу.

– Я... я, родимый, наконец-то тебя нашел... Да скажи, боярич, как сюда попал? – спросил Влас радостным голосом.

– Пошел в лес на охоту, далеко отошел от усадьбы, заблудился, подошел к этому скиту, попросил приюта... Меня выпустили раскольники, а отсюда не выпускают... держат как колодника, – со вздохом проговорил молодой Пушкарев.

– Да как они, проклятые, смеют! Я все их логовище по бревну разнесу! – крикнул не своим голосом мужик-охотник.

– Ну ты, потише! – остановил его один из раскольников.

– Пойдем, боярич, со мной, никто не посмеет нас остановить!

– Ну, брат, это ты напрасно! Ни тебя, ни твоего боярича с монастырского двора мы не выпустим!

– Посмотрим, кто посмеет нас удержать!

Проговорив эти слова, Влас ринулся на одного раскольника, вырвал у него дубину и стал размахивать ею. Другой раскольник бросился бежать с донесением к игумену.

Раскольники, не окончив своего богослужения, во главе с игуменом окружили Владимира Пушкарева и Власа. Неко-

торые из раскольников вооружены была топорами и дубинами.

Гурий, узнав, в чем дело, приказал связать Власа, и, сколько сильный мужик ни сопротивлялся, его все-таки крепко связали.

Влас ругался и проклинал раскольников на чем свет стоит.

Пушкарев вступился за своего слугу. На шум пришел и Аввакум.

– Что такое здесь творится? – сурово спросил он у раскольников.

Ему объяснили.

– Выпусти меня! Ты не смеешь держать меня в неволе! Я – стрелецкий полковник! – кричал Пушкарев.

– А, старый знакомый!.. Что шумишь? – ласково проговорил Аввакум, слегка ударяя по плечу Владимира Пушкарева.

– Отец Аввакум, и ты здесь? – удивился Пушкарев.

Он узнал главу раскола, несмотря на то что не видел его несколько лет.

– Узнал... Не позабыл?

– Зачем забывать!

– На том тебе, добрый молодец, спасибо.

– Прикажи, отец Аввакум, меня и моего слугу отсюда выпустить! Меня держат ровно колодника.

– Тебя выпустят, но только с условием.

– С каким? – спросил молодой Пушкарев.

– Ты должен дать клятву, что никому ни словом, ни делом

не выдашь нас, не скажешь, что здесь в лесной глуши есть скит и что тебя в нем держали... Даешь клятву?

– Даю.

– Слуга твой должен сделать то же, и с него возьмем мы клятву.

– И он поклянется! – ответил за Власа Пушкарев.

– Если вы измените своей клятве, то оба будете прокляты. Гнев и ярость Божия да поразят вас тогда! Проклятие будет напечатано на челе вашем. Оба вы, как Каин-братоубийца, будете скитаться по земле и не находить себе покоя! – грозно произнес Аввакум.

Говоря эти слова, он был страшен: выпрямился во весь свой рост, выразительные глаза его горели каким-то особым огнем, исхудалые руки поднял кверху, как бы призывая самого Бога в свидетели.

– После всего слышанного из моих уст даешь ли ты клятву? – опять спросил у Пушкарева Аввакум.

– Даю... – тихо ответил стрелецкий полковник.

– И ты даешь? – обратился с вопросом Аввакум к Власу.

– Знамо, даю... Как боярич, так и я...

После этого их обоих вывели за ворота и там завязали им крепко глаза.

– Не думайте снять с глаз повязку, иначе вас убьют! – предостерег Аввакум Владимира Пушкарева и Власа.

Их повели за руки от ворот с завязанными глазами. Вели их несколько времени густым лесом по узкой, извилистой

тропинке.

Человек десять раскольников, вооруженных кто чем попола, сопровождали Пушкарева и Власа до самой лесной проезжей дороги.

Ни молодой Пушкарев, ни мужик Влас и не думали развязывать себе глаза; они были уверены, что сопротивление и непослушание их погубят.

– Садитесь на землю и сидите смирно! – приказал им кто-то из раскольников.

Пушкарев и его слуга повиновались.

– Прощайте, не забудьте своей клятвы... Мы уйдем, тогда снимете с глаз повязку, – проговорил Пушкареву и Власу тот же раскольник.

Раскольники оставили их. Скоро не слышно стало и шагов.

Власу надоело сидеть с завязанными глазами.

– Боярич, долго ли нам так истуканами сидеть?

– Снимай повязку! – приказал ему Пушкарев.

– Боязно...

– Чего?

– А раскольников. Ишь их какая орава... убьют!

– Они ушли, – проговорил стрелецкий полковник и сорвал с своих глаз повязку. Влас последовал его примеру.

Они осмотрелись.

Кругом была мертвая тишина.

– И то, проклятые, ушли... Ну, боярич, слава богу, выве-

ли нас на дорогу. Эта дорога прямехонько приведет нас в усадьбу, я знаю! – радостным голосом проговорил Влас.

Пушкарев хоть за последнее время и не голодал у раскольников, но все-таки, потрясенный событиями, был слаб и едва мог ходить.

Он шел тихо, задумчиво опустив голову. Аввакум произвел на него сильное впечатление; этот глава раскола мощным своим словом заставляет десятки, нет, сотни людей следовать за собой во имя его идеи. Во имя этой идеи ему приходится страдать. Страдание Аввакума в глазах его последователей дает ему мученический венец. Он еще более возвышается среди толпы мнимых ревнителей благочестия, перед ним благоговеют; его благословение ценят выше всего. Аввакум, до фанатизма преданный старообрядчеству, требует того же и от своих последователей.

Владимир Пушкарев, прощаясь с Аввакумом в скиту, подошел к нему под благословение.

Аввакум, истово благословляя стрелецкого полковника, пристально посмотрел на него и тихим, каким-то особым голосом проговорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.